

МАЖОР В БОЯРКЕ



СЛУГА ГОСУДАРЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ

Александр Гаврилов

Слуга государя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69317740

SelfPub; 2023

Аннотация

Александр был обычным мажором. Любил гонять по ночной Москве под градусом на своём Бугатти, что и привело к тому, что в один прекрасный момент он оказался в другом мире, причём, в шкуре слуги, пусть и принадлежащему к дворянскому роду, прислуживающего императорской семье. Положение слуги его вовсе не прельщает, но как быть, если ты ничего не умеешь делать и ни на что другое просто не способен?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Гаврилов

Слуга государя

Глава 1

– Эй, придурок! Ты жив? Да приходи ты в себя уже, дебил! – пробивался сквозь сон полный отчаяния мальчишеский голос. Открывать глаза было влом. Похоже, что я не плохо принял на грудь накануне, башка просто на части разрывалась, так что крики где-то рядом не добавляли мне хорошего настроения, но я мужественно терпел, не ведясь на провокацию, прекрасно зная, что стоит мне только приоткрыть глаза, и моя нынешняя боль будет вспоминаться с лёгким чувством ностальгии. Обычно я перед попойкой рядом с кроватью всегда пару бутылочек пивка оставлял для реанимации своего организма, но сейчас даже рукой было пошевелить лениво. Друзья сначала ржали надо этой моей любовью к пенному, называя его напитком для быдла, но мне было насрать, что я им убедительно и объяснил, наглядно показав, куда именно они могут идти со своим мнением, и все сразу заткнулись. Знают, что если будут бесить меня, то халявной выпивки больше не будет.

И вообще, где там Семён шляется? Ну явно же окно открыто, а на улице вообще-то зима, февраль месяц стоит, вон,

даже сейчас сквозняк чувствую. Да и крики эти спать мешают. Уволю нахрен идиота, если он сейчас же не закроет его!

Прошло пару минут. Семён так и не появился, за что я мысленно его уже раз десять уволил без выходного пособия, крики где-то рядом не смолкали и уже откровенно выбешивали, и пришло грустное осознание, что всё же придётся открывать глаза и хуже того, встать и идти самому закрывать гадское окно. К тому же, я только сейчас почувствовал, что лежал на чём-то жёстком. Видимо, когда я под утро заявился домой, я не смог доползти до кровати, что, впрочем, давно уже было привычным явлением. Когда я жил с родителями, то ещё как-то сдерживался, так как не хотелось слушать визги матери и крики отца, что вот если ещё раз подобное повторится, то он точно мне все счета заблокирует. Я ему не верил, но проверять не хотелось. Хрен его знает, что ему в голову взбредёт? Вдруг действительно заблокирует, и что тогда? Ну не на работу же идти? Никогда не понимал подобных призывов отца. Блин, ну ты же уже столько бабла заработал, что и мне до конца жизни хватит, и моим детям, и внукам, а возможно и правнукам. Ну и какой смысл тогда ещё пыхтеть в попытке лишнюю копейку заработать? Вот может мне кто-нибудь сказать, нахрена? Казалось бы, живи, радуйся, дай жить другим, ну, мне, то есть, так ведь нет. Всё ещё каждый день мотается в офис, что-то там проверяет, какие-то переговоры ведёт, на встречи разные то и дело летает. В общем, весь делах, а на семью как обычно времени нет. Впрочем, я

к этому уже привык давно.

Так к чему это я? А, вспомнил. Ну вот когда мне двадцать один исполнился, предки и вручили мне ключи от квартиры. Заявили, что я, мол, уже совсем взрослый и должен сам жить. Я только ЗА был всеми частями тела. Все эти нотации достали уже. Быстро переехал в скромную шестикомнатную квартирку, нанял себе что-то вроде управляющего, Семёна, чтобы он следил за тем, чтобы в квартире всегда был порядок и жратва, и зажил в своё удовольствие, ни в чём себе не отказывая, отрываясь на полную с друзьями. Ну, если быть точнее, то на самом деле его маман наняла. Я вообще-то себе девушку служанку хотел бы нанять симпатичную, но тут уже маман в позу встала, мол, знает она мои истинные причины в этом желании, и не позволит тут мне развратом заниматься, вот и обломала меня в итоге с моим желанием. А жаль... Я мысленно уже представлял себе, какие ролевые игры дома устрою, но... Облом. Впрочем, и ладно. В девках недостатка и так не было.

Вот и вчера мы завалились с друзьями в элитный клубешник, я усосал, наверное, целый литр вискаря с колой, после чего мы устроили гонки по ночной Москве, в какой-то момент я вдруг понял, что еду совсем один, а мои друзья все куда-то пропали, а потом... Тут виски у меня сдавило со страшной силой, и раскрывать глаза мне совсем расхотелось, так как я вспомнил про аварию...

– Да вставай ты уже, тормоз! – раздался тут рядом очеред-

ной крик, – Сейчас Монах если придёт, все огребём! – вдруг мне прилетел не хилый удар по ноге.

– Твою мать! – взвыл я, чуть не подпрыгнув, и открыл глаза. И весьма вовремя, так как успел увидеть летящий мне уже в бок ботинок, каким-то чудом перехватил его, и, привстав, дёрнул кого-то за ногу так, что он с грохотом рухнул рядом.

– Молчун! Придурак! Ты что творишь? – донёсся до меня мальчишеский стон.

– Я не знаю, что тут происходит, но кому-то сейчас будет очень больно... – мрачно пообещал я, вставая на ноги и делая шаг к соседнему телу, и только тут до меня дошло, что голос был не мой... Какой-то подростковый, и далеко не такой прокуренный и пропитый, как мой. Я бросил взгляд на своё тело, и понимающе хмыкнул. Кажется, та авария и последующее купание всё же не прошли для меня даром... А последовавшая за ней странная беседа с весьма своеобразной сущностью вовсе не была пьяной галлюцинацией, как решил было я сначала. Но об этом потом. Сейчас надо было понять где я, и кто я теперь такой.

Я огляделся. Несмотря на полумрак, разгоняемый лишь одинокой тусклой лампочкой на потолке я сумел разглядеть, что нахожусь в чём-то, похожем на подвал. Кирпичные стены без окон, штабеля каких-то ящиков, мешки, вдоль стен стеллажи с бутылками, прямо как у моего отца. О, то что надо! – сообразил я, что там по всей видимости вино. Вино – это конечно не пиво, но тоже весьма полезно для здоровья,

особенно, в моём нынешнем состоянии, – решил я, без лишних раздумий направившись к одному из стеллажей, ну, или как там эта хрень называется.

– Молчун, ты куда это собрался? – окрикнул меня надоедливый голос, который мне тут уже с полчаса покоя не давал.

– Туда, – лаконично отозвался я, не вдаваясь в подробности. Снял с полки тёмную бутылку, и... Вот жешь дьявол... Штопора-то нет! – осенило вдруг меня, когда я увидел заткнутое пробкой горлышко бутылки, но я не сдавался. Такая мелочь не могла меня остановить. Я похлопал себя по карманам в надежде на чудо, и оно свершилось! В одном из них обнаружился складной ножик. Плохонький, слабенький и маленький, но и такого хватит. Открыв тупое лезвие, я с силой вогнал его в пробку, и аккуратно выкрутив её, тут же присосался к божественному нектару.

– Молчун, бля, это же коллекционное вино! Нас же убьют за него! – испуганно взвизгнул за спиной голос.

– Не сцы, Миха, прорвёмся, – пробулькала я, чуть не поперхнувшись, так как моё новое горло явно оказалось непривычно к спиртному, и только тут до меня дошло, что я каким-то чудом вспомнил своего спутника. Михаил Щербakov, мой напарник по смене. А жизнь-то кажется налаживается! – обрадовался я, не отрываясь от бутылки. Алкоголь немного прояснил мой пересушенный мозг, и я смог вспомнить более подробно ту свою, как я тогда думал, галлюцинацию...

Я каким-то образом оказался в незнакомом помещении, освещаемом лишь ярким пламенем из камина, осознав себя сидевшим на мягком диване, а напротив меня, в кресле, закинув ногу на ногу, что обнажило их чуть не до самого бедра, сидела умопомрачительно красивая девушка, с длинными белоснежными волосами, заплетёнными в тугую косу, покачивая бокалом с вином в руке, и с интересом смотрела на меня. Нет, женским вниманием благодаря деньгам отца я никогда не бы обделён, да и сам далеко не уродом был, и красивых девушек повидал не мало, но от этой веяло такой женственностью и страстью, что только сейчас мне пришло в голову, что может не врал мне учитель истории, рассказывая, что из-за некоторых девушек раньше начинали настоящие войны?

– И как зовут прекрасную богиню? – неожиданно осипшим от волнения голосом спросил я, даже не задумываясь, где я нахожусь и как сюда попал. Сейчас мне это всё было неважно. Имела значение лишь сидевшая рядом со мной прекрасная незнакомка.

– Увы, Сашенька, но ты не угадал... – тихо рассмеялась она, – Богов не существует. Я сущность немного другого плана. Зови меня... – на секунду задумалась она, глотнув багрово-красного вина, – Ты можешь звать меня Витой, – наконец приняла решение она, – Но вообще, тебя сейчас должны волновать совсем другие вещи, нежели моё имя. Неужели ты

забыл, что ты умер?

Я от неожиданности опешил, и только тут до меня дошло, что я не помню, как я сюда попал и тут воспоминания ударили меня по голове как кувалдой.

Я беспечно нёсся по шоссе позабыв про любые правила, выжимая из своего Бугатти, который мне подарил отец на двадцатилетие, максимум, на который он был способен на этой дороге. В какой-то момент я выскочил на набережную, меня занесло на повороте из-за гололёда, я не справился с управлением и выскочил на встречу, где меня ослепили фары встречной машины. Я вдарил по тормозам и зажмурил глаза в ожидании неизбежного столкновения, но тут раздался визг тормозов и покрышек, откуда-то донёсся звук удара, в грудь впился ремень безопасности, и тишина обрушилась на меня. Открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что каким-то чудом столкновения не произошло, и что я сижу, вцепившись в руль, в остановившейся машине. Стоп, но где же тот автомобиль, на который я так неожиданно выскочил? Почему-то эта мысль не давала мне покоя, и я поспешил выбраться из машины, что удалось сделать с большим трудом из-за намертво заклинившего ремня безопасности. Разом протрезвевший мозг самым краем сознания отметил, что, несмотря на то, что я был в дребодан пьяный, когда сядился, ремень я всё же застегнуть не забыл. Многие друзья пренебрегали им обычно, но я пару раз побывав в авариях

взял себе в привычку обязательно пристёгиваться. Я слишком любил жизнь, чтобы вот так нелепо потерять её.

Ну и куда подевалась та тачка? – замер я на удивлении пустой дороге, и тут я увидел дыру в ограждении у реки. Нехорошая догадка посетила мою больную голову, и у меня появилось страстное желание запрыгнуть обратно в машину, и рвануть прочь отсюда, пока меня никто не увидел, но я пересилил себя, и на ватных ногах подошёл к разлому. Мои опасения подтвердились. Внизу под воду медленно уходила машина, в окружении крошева из разбитых льдин. Но хуже всего было то, что в заднее стекло машины было видно заплаканное детское лицо, с ужасом и надеждой смотревшее на меня...

У меня в груди всё перевернулось, и я стремглав рванул обратно к машине. И нет. Вовсе не для того, чтобы уехать. Рывком распахнув багажник, я судорожно схватил огнетушитель, и побежал обратно. Я вовсе не был уверен, что его веса хватит для того, что я задумал, но ничего тяжелее него у меня не было. Ни раздумывая ни секунды я прыгнул в воду. Если бы я затормозил и хоть немного задумался о ситуации, то хрена с два я бы сделал подобную глупость, как в минус пятнадцать прыгать в ледяную воду. Но сейчас я поддался своим эмоциям, разогретым видом девочки, плачущей в автомобиле, идущем ко дну по моей вине. Я далеко не ангел. На самом-то деле, мерзавец и эгоист тот ещё, но это уже было перебором даже для меня...

Сначала я подёргал дверные ручки, но двери ожидаемо оказались заблокированы, я перебрался к багажнику, и как сумасшедший заколотил огнетушителем по стеклу. Вода уже вплотную подобралась к багажнику, и надо было торопиться. Не уверен, что смогу нырять в ледяной воде. Не понятно было, почему никаких действий не предпринимает водитель, но с этим потом разберусь, если жив останусь. Девчушка что-то кричала мне в машине, но я видел лишь её открывающийся рот, не слыша не звука.

– Уйди! – заорал я ей, вдруг осознав, что стекла могут поранить её, – В сторону уйди! – махнул я рукой, и, как ни странно, она поняла меня, сдвинулась и пригнулась. Я продолжил усиленно молотить. Стекло покрылось всё трещинами, и в какой-то момент обрушилось вниз.

– Вылезай! – заорал я ей, и протянул руку.

– Нет! – взвизгнула она испуганно, – Я не оставлю маму!

Я бросил взгляд в салон, и увидел за рулём женщину, голова которой лежала на руле. Либо без сознания, либо... – промелькнула в голове опасливая мысль. Видимо, подушка безопасности не сработала, или её тут нет. Говорят, есть сейчас и такие автомобили, без неё.

– Вылезай! – повторил я ей, – И быстрее, а то я не успею за твоей мамой вернуться! – не знаю, каким чудом машина ещё держалась на плаву, но вода была уже совсем рядом, и вот-вот должна была хлынуть в салон.

– Я плавать не умею, – дрожащими от сдерживаемых ры-

даний губами выдавила она из себя, но всё же подобралась ко мне ближе и схватилась за мою руку.

– Ничего страшного, я тебя буду держать, – пообещал я ей, трясаясь от холода. Ледяная вода буквально обжигала тело. Одежда намочила и тут же сверху, куда сейчас не доставала вода, оледенела на ледяном ветру. Окоченевшей рукой я вытащил её наружу, и мы медленно поплыли к берегу, где уже толпились несколько человек, видимо, из проезжавших мимо машин, но в воду больше никто не спешил прыгать. Зато кое-кто не упустил момент, и снимал происходящее на телефон.

– Суки... Твари. Везде хайп ищут... – промелькнула в голове злобная мысль. О том, что я и сам грешил подобным, я предпочёл сейчас не вспоминать.

Плыть было недалеко, но даже эта пара минут показалась мне вечностью. Ноги уже давно свело от ледяной воды, и я держался на плаву лишь руками, на последних морально-волевых усилиях.

– Принимайте... – хрипло просипел я, когда мы добрались до берега, и двое суетившихся рядом мужчин, слезших с шоссе к самому краю реки тут же подхватили ребёнка, и укутали её в чью-то куртку. Мне тоже один из них протянул руку, и я даже потянул к ней свою, но тут девочка отчаянно крикнула, – Ты же обещал спасти маму!

– Твою ж мать... – обречённо подумал я, но послушно развернулся и поплыл обратно.

Вода уже вовсю хлестала в салон, но всё же я залез кое-как внутрь, добрался до женщины, и попытался отстегнуть ремень, но его заклинило намертво. Я в отчаянии огляделся, попытавшись найти хоть что-то, чем бы его можно было отрезать, но безрезультатно. Надо в багажнике глянуть, – решил я, полез обратно назад, и тут сплошной поток рванул из дыры и захлестнул меня с головой. Уже через несколько секунд весь салон был заполнен водой. Я кое-как поплыл к дыре, из последних сил, задыхаясь, успел даже выбраться наружу, чувствуя, как горят огнём лёгкие из-за недостатка кислорода, и тут сознание вдруг меня покинуло...

– Так я что, всё-таки утонул? – неверяще уставился я на девушку, которая уже не казалось мне столь соблазнительной.

– Ну разумеется, – ласково улыбнулась она мне так, как обычно мамы улыбаются маленьким детям, когда те смешат их нелепыми вопросами.

– Да, но... – завис я. У меня в голове не укладывалось, как это я мог вообще умереть? У меня ж столько планов было. Новую тачку должны были через неделю пригнать, не за горами днюха была, которую я собирался отметить на собственном острове. Отец обещал свой частный самолет мне подарить. Вся жизнь впереди ведь была! Нахрена я вообще полез куда-то? Тут меня огнём обожгло воспоминание о девочке, умоляюще смотревшей на меня из окна машины, и

я вдруг понял, что нет... Не жалею... Жизнь была прожита зря, а вот смерть оказалась наполнена смыслом... Лучше так, чем умереть от алкогольного отравления или передоза, который, правда, мне не грозил, потому что из всех существующих в мире наркотических веществ я сидел только на алкашке. Зато уж там сидел весьма прочно. Точно, думаю, еще пару лет, и спился бы до белой горячки.

– Не усложняй, а? – поморщилась вдруг она, – Мученик из тебя так себе выйдет, если что. Если бы ты хоть на минуту допустил, что ты можешь умереть, ты ни за что не полез бы туда. Уж я-то тебя хорошо знаю. Ты и без того подкинул нам сложную задачу... – задумчиво пробормотала она под конец, весело помахивая ножкой, разглядывая танцы пламени в камине.

– Кому нам и какие сложности? – проворчал я, не удержавшись от вопроса. Весь настрой мне, понимаешь, великомученический сбила. Теперь опять казалось, что я какую-то дурость сделал, кинувшись в ледяную воду спасать неизвестно кого. Да и она что, мысли читает? – спохватился я, бросив на неё настороженный взгляд.

– Конечно, читаю, – невозмутимо кивнула она, – И тебе абсолютно не важно должно быть, кто мы такие. Главное для тебя, что мы решили дать тебе второй шанс, хоть и не пришли к единому мнению по твоему поводу. Очень уж личность у тебя неоднозначная... – покосилась она на меня строго.

– С одной стороны, абсолютно мелкая и пустая душонка, не сделавшая за всю свою жизнь, за исключением последнего дня, ничего достойная. Одни низменные желания, и никакого величия. Отправили бы тебя в круг перерождения, и вариантов лучше собаки для тебя и не было бы. Всю жизнь тебе кто-то прислуживал, и настала бы пора расплаты за это. Самому послужить. Причём, на совесть, – ехидно ухмыльнулась она, – Но последний твой день перевернул всё с ног на голову, – продолжила она строго, – Сначала ты подверг опасности жизнь других людей, что лишь ухудшило твою ситуацию, но потом ты попытался исправиться, кинувшись спасать жизнь тем, кто был тебе никем. Ни друзьями, ни родственниками, ни другими связанными с тобой лицами. Твоё желание было абсолютно бескорыстным, ты не рассчитывал с помощью этого получить какие-то блага, и это уже безусловно идёт тебе в плюс. Пожертвование своей жизнью ради спасения жизни другого, никак не связанного с тобой, человека, причём, как я уже сказала, бескорыстно, мы обычно однозначно поощряем новым шансом, с хорошими стартовыми условиями. Если бы ты просто проходил мимо, не поучаствовав в аварии и решил их спасти, то в следующей твоей жизни мы бы тебя сделали тем, кем бы ты сам захотел стать. Хоть магом, хоть воином, хоть императором. Всё на твой выбор. Но... Авария случилась из-за тебя. К тому же, мать девушки тебе спасти не удалось, и теперь спасённая тобой девочка осталась сиротой... – она замолчала, продолжая

рассматривать камин. Я тоже молчал, в ожидании того, к чему она это вообще ведёт.

– В общем, как я и сказала, к единому мнению на твой счёт мы так и не пришли, – продолжила она через несколько секунд, – Сошлись только в одном. Выбора тебе давать мы не будем. Кто-то предлагал вынести вердикт без учёта последнего дня твоей жизни, кто-то наоборот говорил, что только последний твой день и стоит учитывать, что только эта ситуация по на стоящему тебя и раскрыла. В итоге, не сумев прийти к согласию, мои коллеги предложили принять окончательное решение в отношении твоей дальнейшей судьбы мне... – она опять замолчала, а меня эти паузы начали уже откровенно подбешивать.

– Ну и что же вы в итоге решили? – прервал я затянувшееся молчание, она вздрогнула, и перевела взгляд своих зелёных глаз на меня.

– Решила, что послужить тебе всё же придётся... – многообещающе ухмыльнулась она. Я напрягся. В облике собаки бегать я не имел вовсе никакого желания.

– До этого не дойдёт, не волнуйся, – пристально смотрела она на меня, – Я увидела у тебя, что хотела, так что отправляйся в путь, – она хлопнула в ладоши, и мир исчез для меня...

– Молчун! Ты чего опять завис? У нас времени уже совсем не осталось! В любой момент сюда Монах может заявиться,

и тогда мы с тобой так легко как в прошлый раз не отделаемся! – разорвал тишину жалобный скулѐж Миши.

Я встряхнулся, отходя от накрывшего меня воспоминания, и мрачно глянул на него. Он с каким-то недоумѐнным и опасливым взглядом пялился на меня.

– Ну так пошли, чего сам-то время тянешь? – лениво заметил я, заткнул пробкой кое-как бутылку, и положил на место. Потом подумал, и поменял её с бутылкой, находившейся в самой глубине. Рано или поздно пропажу вина, конечно, заметят, но далеко не факт, что свяжут её со мной. Иначе же я действительно влечу по полной. Уж в чём в чём, а в хорошем вине я разбирался, и это однозначно было одно из самых лучших вин, какое я пил в своей жизни.

– Так ведь вино-то мы ещё не взяли. Не считая того, которое ты выхлебал, – проворчал подросток, – Ты от удара совсем всё забыл, что ли? Мы должны были две бутылки для Сиплого взять. И что это вдруг с тобой? Из тебя же обычно и пары слов за целый день не услышишь, а тут вдруг чуть ли не речи толкаешь, ещё и борзым таким стал. Или это на тебя так твоё падение повлияло?

– Ага, – коротко ответил я, не став углубляться в детали. Никакого падения я не помнил, но расспросами решил потом заняться. Сейчас действительно пора было валить отсюда. Ещё и вино это для какого-то там Сиплого. Проще, конечно, послать его было бы вместе с этим вином, но хрен его знает, какие у них тут взаимоотношения, сразу идти на кон-

фликт, не разобравшись в текущей ситуации было не разумно, так что я вернулся к стеллажу с бутылками, выбрал две из глубины и аккуратно вытащил их.

– А теперь так же аккуратно поставь их на место... – слышался вдруг сзади чей-то вкрадчивый голос. Из-за того, что я не слышал, как кто-нибудь входил в подвал, это оказалось настолько неожиданным для меня, что я чуть бутылки из рук не выпустил, что, учитывая его несомненно высокую стоимость, было бы весьма прискорбно.

Глава 2

– Ну надо же... Всё те же лица. Отроки Михаил Щербаков и Дмитрий Чарторыйский. И почему я не удивлён? – тихим вкрадчивым голосом продолжил наш незваный гость. Когда я обернулся, то увидел у выхода высокого, но худого лысого мужчину, одетого во что-то, напоминающее чёрную рясу. Видимо, это и есть тот самый Монах, которого так боялся Миха, – догадался я, и аккуратно положил бутылки на место. И чего он его так боится? Я-то думал, там какой-то здоровяк, а тут такой тощий тип, с которым, пожалуй, и я справлюсь, – самоуверенно решил я, глянув на свои руки. С новым телом мне явно повезло. Был этот подросток весьма высок и крепкого сложения, со здоровенными кулаками. Блин, да я в своём старом теле уступал ему по всем параметрам. Ещё б лицо, конечно, заценить не мешало бы. А то вдруг урод?

– И что же вы, господа, – с явным сарказмом выделил он последнее слово, – Тут забыли? Точнее, что вам понадобилось-то я увидел, вот только диву даюсь, как это у вас хватило наглости взять вино, которое подаётся императорской семье на стол? Вы хоть представляете, что с вами будет, если об этом узнают ваши родители? А они узнают, это я вам обещаю. Да и моего наказания вам не избежать.

– Узнают что? – вопросительно поднял я бровь, демонстративно глянув на стеллажи, – Вино всё на месте. Нам все-

го лишь стало интересно посмотреть на его место хранения. Да и пыльно тут. Я поэтому бутылки и достал, что хотел протереть их, и конечно же положить на место сразу, – усмехнулся я.

– Протрёте, обязательно протрёте всё тут, можешь даже не сомневаться, – вернул мне ухмылку Монах, – Даю времени вам до вечера что бы вылезать всё тут. Бутылки, полки, полы, стены – всё блестеть должно, раз ты таким умным вдруг стал. И что-то ты Молчун какой-то чересчур разговорчивый сегодня. Съел, что ли, что-то не то? Смотри, будешь дерзить – язык-то я тебе по укорочу. Для твоих обязанностей он тебе без надобности.

– А ты не охренел, дядя, подобное мне тут заявлять? – набычился я, – Смотри, я ведь и ответочку дать могу, – демонстративно стал разминать кулаки я, взбешённый тем, что какой-то урод мне тут предьявы кидает. Больше я ничего сделать не успел. Мужик каким-то скольльзящим движением вдруг оказался рядом со мной, а дальше моя голова мотнулась в сторону от мощнейшего удара, и я выключился.

– Твою мать... – выдохнул я, едва придя в себя. До моего скудного мозга как-то сразу дошло, что не следует задевать людей, от которых можешь получить по башке, если за твоей спиной не стоит отец со своими деньгами и связями. Тут мои размышления прервала мокрая тряпка, прилетевшая прямо мне в лицо

– Хорош валяться уже. По твоей милости, у нас тут теперь работы привалило. Если вовремя не управимся, Монах точно выгонит нас. Сам понимаешь, как это наши родители воспримут. Какой позор для рода будет. И всё из-за тебя! – истерично под конец выпалил Миха, угрюмо глядя на меня.

– Из-за меня, значит? – я медленно встал, чувствуя, как меня охватывает бешенство. Очень хотелось на ком-нибудь отыграться, хорошенько вломив, а другой кандидатуры кроме него тут не было, – А ты не охренел ли, друг мой дорогой? – вкрадчивым тоном начал я, встав и медленно двинувшись к нему, – Я хоть как-то попытался выкрутиться из ситуации, пока ты тут язык в жопу себе засунул. И разве это я придумал эту идею с воровством вина из императорских погребов? Или может это я так зассал, что при входе сюда так ломился, что столкнул своего друга со ступенек, из-за чего он долбанулся башкой о бетонный пол? – уже не разбирая, где мои воспоминания, а где чужие, надвигался я на побледневшего от страха Миху, пятившегося под моим напором, краем сознания лишь отметив для себя, что видимо из-за этого падения моя башка сейчас и раскалывается. Я дотронулся рукой до места ушиба, и обнаружил там уже застывшую кровь.

– Молчун, ты это... Чего это? – мямлил он, отступая.

– Того это! – взбесился я окончательно и швырнул ему в морду тряпку, – Быстро к работе приступай! А я проконтролирую, что бы ты не отлынивал. И не сомневайся, ты точно

всё успеешь вовремя... – многообещающе закончил я, показав ему здоровенный кулак. Он побледнел, но спорить не стал, и схватился за тряпку.

Пока мой новый приятель под моим чутким руководством наводил тут чистоту, я воспользовался моментом, чтобы хоть немного привести в порядок свои воспоминания, пока я окончательно не сошёл с ума. Причудливым калейдоскопом перемешались они в моей голове, и я уже с трудом воспринимал, где мои воспоминания, а где вклинились воспоминания предыдущего носителя моего нового тела, Дмитрия Чарторыйского.

Не забывая время от времени отвешивать воспитательные пинки подопечному, чтобы он не расслаблялся, я мучительно сортировал воспоминания, попутно вычлняя для себя самое главное. Картинка получалась странная. Начнём с того, что это тело принадлежало к одному из старейших местных дворянских родов... Хотя нет, начать всё же следует с другого. Находились мы в Российской империи. Год был такой же, как и там, откуда я прибыл, две тысячи двадцать третий. Правил сейчас здесь Алексей 3 Романов, во дворце которого я в данный момент и находился в качестве одного из слуг. А теперь возвращаемся к началу. Дмитрий Чарторыйский принадлежал к одному из старейших дворянских родов империи, и был при этом обычным слугой... Это вот вообще не укладывалось у меня в голове! Оказывается, все слуги

в императорских дворцах принадлежали к тому или иному дворянскому роду, предназначение которых было служить императору в том или ином качестве! Да что говорить, если девизом нашего рода было «Честь в служении»! Да вашу ж мать, это что теперь, мне всю жизнь в прислуге придётся проходить, будучи дворянином? Чё за бред вообще? Насколько я помнил из истории, дворяне это же были такие крутые перцы, у которых было куча бабла, все им кланялись, а они лишь звездюлей отвешивали всяким плебеям, да на дуэлях дрались! А здесь чё это вообще такое? Отец моего нового тела был одним из многочисленных управляющих императора и руководил каким-то государственным заводом, мать была домохозяйкой, еще были две сестры и два старших брата, один из которых помогал отцу на заводе, а второй служил в армии. Не, ну это-то ещё куда ни шло. Типа даже круто, наверное, но, блин, я-то теперь вообще прислуга! Причём, чуть ли не на самой низшей должности. Паж. Да даже не чуть ли, а на самой низшей! Даже горничные были выше меня по положению. Уже почти шесть лет это тело было пажом, и были шансы через полгода стать кем бы вы думали? Камер-пажом, блять, и это будет ещё на четыре года! Вот радость-то! Эй, богиня, или как там тебя?! Верни меня обратно!! Лучше уж в собаку отправь. Там я хотя бы не буду понимать своей незавидной участи! – мысленно завопил я, не забыв, впрочем, отвесить очередной профилактический пинок замешкавшемуся приятелю. Идём дальше.

Сиплый этот из-за которого мы тут оказались, был таким же слугой, как и мы, но пытался строить из себя главного, так как он был дольше всех нас на этой должности, что для меня было лишь показателем тупости, что за такое время он не смог ни на ступеньку в рейтинге слуг подняться. Мы недавно проиграли ему в карты, денег отдать долг у нас не было, вот он в качестве компенсации долга и потребовал, чтобы мы ему две бутылки вина принесли из императорских запасов. Мой молчаливый носитель не горел желанием идти на эту явную дурость, но поддался на уговоры своего приятеля. Впрочем, я не удивлен. Этот Дмитрий был вообще очень странным товарищем, которого многие чуть ли не умственно отсталым считали из-за того, что он почти не говорил. Редко кто за день мог услышать от него больше пары слов. Потому и дали ему прозвище – Молчун. Насколько я успел понять из весьма сумбурных воспоминаний, молчуном он стал лет в пять, после того как на него напали сразу несколько собак. Сильно повредить они ему не успели, лишь пару раз укусили, так как успели прибежать отец с братьями и отбили его, но он настолько перепугался, что долгое время после этого вообще не разговаривал, и лишь лет в десять, после целой кучи сеансов у психологов, он начал хотя бы односложно отвечать на вопросы. Но не всем и не всегда.

Ещё после того случая с собаками он усиленно занялся спортом в стремлении стать как можно сильнее, чтобы в случае чего суметь защитить себя. Но почему-то вместо того,

чтобы выбрать какое-нибудь единоборство, он предпочёл тяжёлую атлетику, и сейчас ему никто не дал бы на вид его шестнадцати лет. Был он высоким, крепкого телосложения, и абсолютно не конфликтный при этом. На все подначки и оскорбления он отвечал лишь молчаливой улыбкой, так что это быстро всем надоедало. Ну а какое веселье может быть от оскорблений, если противник никак не реагирует на них? Ты пыжишься, значит, выдумываешь что-то по заковыристее, время своё на это тратишь, а тебе лишь молча улыбаются в ответ на них. Ну кто такое долго выдержит? Драться же один на один с ним опасались из-за его внушительной комплекции, а нападать вдвоём или втроём не позволяла дворянская честь.

Ну и благодаря его неконфликтному характеру все помыкали им почём зря, пользуясь при любой возможности. Это меня не устраивало категорически, так что скоро всех халывщиков ждал большой сюрприз. Ездить я на себе точно не позволю. Тем более, что моё новое тело с внушительной комплекцией позволяло любого наглеца на место поставить. Ну, почти любого, – чуть поморщившись, вспомнил я этого Монаха. Его оказывается, потому и назвали Монахом, что, помимо соответствующего облика, он ещё в каком-то буддистском храме раньше жил, где заодно восточные единоборства изучал. Надеюсь, что тут мало кто на такое способен, и с остальной прислугой я смогу совладать. По-хорошему, надо бы как-то вообще свалить из этого положения при-

слуги, но с этим были проблемы... Я был ещё не совершеннолетний, и целиком зависел от родителей. Если я сам уволюсь, то местный отец может устроить мне весёлую жизнь. Совершеннолетие тут наступало в двадцать один год, и ещё пять лет я был полностью от него зависим. А на самом деле, и ещё дольше, если я, конечно, не возжелаю пробиваться по жизни самостоятельно, без всякой поддержки. Но я-то себя знаю... Я – не возжелаю, и наоборот предпочту пользоваться благами семьи на полную катушку. Ну, а если меня вдруг уволят, то это вообще будет позор для рода, и я даже думать не хотел о том, что со мной сделает отец за это. С него станется меня вообще в какое-нибудь военное училище отдать, а я вовсе не стремился связать свою жизнь с армией. Дисциплина и я – вещи не совместимые.

Именно из-за проблем с ней я в своей прошлой жизни вылетел из английской школы, куда меня пристроил отец, из-за чего мне потом на месяц заблокировали все карты. Тяжелое было время... Пришлось продать одну из своих машин и давиться дешёвым виски... Ну да не будем о грустном. Прошлая жизнь осталась в прошлом, как бы нелепо это не звучало, и теперь надо было думать, как мне получше устроиться в этом мире.

– Всё, кажется, закончил, – тяжело дыша, пропыхтел Миха, вырывая меня из тяжелых раздумий о своей нелёгкой жизни.

– М-да? – скептически усомнился я, оглядываясь. Как это

ни странно было признавать, но, похоже, он действительно хорошо постарался. До блеска, конечно, не довёл, но было чисто.

– Отлично! – показал я ему большой палец, – Мы с тобой здорово постарались. Думаю, Монах это оценит!

– Мы?? – возмущённо пискнул товарищ, опасливо глянув на меня.

– Ну конечно! – без тени сомнения кивнул ему я и ободряюще хлопнул его по плечу, – Конечно мы, дружище! Неужели ты думаешь, что если бы не было моего потрясающего руководства ты добился бы таких результатов? Уверен, что нет! А руководить это тоже, знаешь ли, очень нелёгкая работа, особенно, когда у тебя в подчинении есть лишь тупорылые бараны, которые так и норвят где-нибудь, да накосячить. Это я не о тебе, – неубедительно соврал я, увидев его возмущённый взгляд. Он открыл рот, явно собираясь сказать какую-то гадость, но тут же захлопнул его, то ли испугавшись моего добродушного взгляда, то ли потому, что дверь подвала тихо открылась, и на пороге появился Монах. Он молча обвёл помещение взглядом, потом прошёлся вдоль стен, то и дело проверяя их на пыл, потом проверил бутылки, провёл пальцем по стеллажам и одобрительно хмыкнул.

– Ну что же... Вы меня приятно удивили. Будем считать, что провинность вы отработали. Молодцы, – улыбнулся он нам одними уголками губ.

– Рады стараться! – рявкнул я, изображая служебное рве-

ние, – Ни на минуту не отвлекались от дела! Всю душу и все силы в него вложили. Миха, правда, пытался филонить время от времени, но я не давал ему расслабляться.

Товарищ промолчал, но я слышал, как он злобно засопел в мою спину.

– Молодцы! – ещё раз повторил Монах, ухмыльнувшись бросив взгляд на моего товарища, как будто о чём-то догадавшись.

– Ну что же... Можете быть свободными. Время ужина уже прошло, но я распорядился, чтобы вам оставили по порции. Идите на кухню и поешьте. И, Дмитрий, если продолжишь в таком же духе, то я в скором времени буду ходатайствовать о твоём повышении до камер-пажа. В принципе, я и раньше был доволен твоей работой, но тебе явно не хватало уверенности в себе, сегодня же я увидел, что в тебе её даже больше, чем нужно. Правда, ты чуть не испортил всё впечатление о себе своей сегодняшней выходкой, но я понимаю, что это скорее всего на тебя так новость о болезни матери повлияла, так что прощаю, – милостиво кивнул он, и, не дожидаясь моего ответа, развернулся и вышел.

Я же озадаченно пошёл следом, гадая, чем теперь мне грозит эта новость и что мне с ней делать. В спину продолжал злобно сопеть Миха.

– Ну что же... Это, конечно, не так любимые мной карпаччо и фриттата с лобстером, но выбирать не приходится...

Буду давиться тем, что есть, – тоскливо размышлял я, развалившись за столом в огромной кухне, наблюдая, как толстая добродушная повариха накладывает нам в тарелки по огромной порции картофельного пюре, добавляет в ту же тарелку по две зажаристые котлеты, потом накладывает в небольшие то ли миски, то ли чашки салат из капусты с ещё чем-то, и наливает в стаканы компот. Перед нами с Михой уже стояло по дымящейся тарелке с наваристым борщом. Если бы мне уже не хотелось бы так жрать, я бы вообще сейчас, наверное, ушёл отсюда. Как-то совсем не ожидал я таких плебейских блюд от императорской кухни. Вот интересно... Его самого и членов его семьи тоже подобным кормом потчевают? – всплыло вдруг откуда-то из глубин сознания незнакомое слово. Может посоветовать Монаху, который, как я понял, был самым главным из всех слуг дворца, чтобы сменили повара на какого-нибудь француза, например? Ну, или итальянца, на худой конец? Ну это же зашквар полный, императорскую семью подобным кормить!

– Сиплый, вон они! – крикнул вдруг кто-то, заглянув к нам, – Хавают сидят!

Дверь распахнулась, и внутрь вальяжно шагнул Сиплый, довольно высокий жилистый парень, с выражением пренебрежения и вселенской скуки на лице. За его спиной маячила парочка шестёрок.

– Так, я не поняла! – упёрла тут руки в боки повариха, сурово глянув на вошедших, – Это что за делегация в мои

владения? А ну брысь отсюда! Вы уже давно поужинали!

– Погоди, тетя Маш, – торопливо начал оправдываться Сиплый, – Мы буквально на пару слов к Михаилу и Дмитрию, – маска пренебрежения на его лице треснула, и там отчётливо проступила опаска.

– А ведь похоже, местную повариху все опасаются... – сделал вывод я, – Пожалуй, не буду говорить никлому о том, чтобы её поменяли. Судя по всему, она очень хорошо относилась к прошлому владельцу этого тела. Будем этим пользоваться...

– Пошли вон, я сказала! – грозно пробасила тётя Маша, хватая поудобнее огромную деревянную скалку, – Пусть мальчики поедят спокойно. Выйдут – тогда и поговорите. Подождёте, не растаете!

– Уже уходим, – торопливо пробормотал Сиплый и направился к выходу со своей шайкой, – Вы тут не задерживайтесь! – бросил он нам напоследок, уже выходя. Миха тут же активно заработал ложкой.

– Да не торопись ты так, – нехотя бросил я ему, – Подождут... – чую, конфликта всё равно не избежать, так что нужно было всё хорошенько обдумать...

– А так-то вроде ничё... Вкусно даже, – пришла в голову неожиданная мысль, когда я незаметно для самого себя умял всё, что мне тут положили. Ел я не спеша, тщательно пережёвывая, наслаждаясь изумительным вкусом. Сначала

даже удивительно было, как такая простая еда может быть такой вкусной, потом дошло – это же всё-таки императорская кухня! Наверняка тут какие-то особые рецепты, недоступные простым людям, вот и результат. Так вкусно, что и не оторваться. И компот, кстати, тоже был на высшем уровне. Мне даже моего привычного бокала с виски не захотелось, что было уж совсем удивительно.

– Так чё делать-то будем? – мрачно спросил давно уже поевший Миха, и терпеливо дожидавшийся меня. Одному ему, видимо, идти разговаривать было ссыкотно.

– Ну а что мы тут сделаем? – пожал плечами я, – Не драку же устраивать? Разговаривать будем.

– На счётчик поставят, – печально бросил он.

– Разберёмся, – самонадеянно фыркнул я, – Он же эта... Дворянин же тоже, вроде как. Как он может на счётчик ставить? Это же запахло!

– Чего? – не понял он меня, недоуменно наклонив голову.

– Ну, не по понятиям же. Невместно, во! – вспомнил я нужное слово из памяти носителя.

– А! Ну да, – согласился он со мной, – Вот только его это никогда не останавливало. Ему тут уже столько народу денег должно...

– Короче, если должны – отдадим, но позже и без процентов, – принял я волевое решение, – Что он нам сделает? Шестёрка своих натравит? Так я его сразу же тому же Монаху сдам. Думаю, вряд ли тот оценит, как Сиплый тут с людей

деньги вымогает!

– Ты что! – явно испугался Миха, – Своих сдавать нельзя же! Не принято так!

– А проценты со своих принято брать? – насмешливо спросил я. Он промолчал, – Ну вот видишь! Пошли уже. Послушаем, что нам скажут, – я тяжело встал, ощущая, как сытость переполняет меня и неудержимо клонит в сон.

– Спасибо, тётъ Маш. Очень вкусно было, – не забыл я подлизаться к довольной поварихе, прекрасно помня, что она может мне ещё пригодиться. Мне нужны были союзники. На данный момент, любые, а дальше поглядим.

Сиплый с товарищами расположились на одном из диванов в огромном холле, и негромко о чём-то переговаривались. Время было уже позднее, и за шум могли и по шапке знатно надавать. Вообще, как я вспомнил, в это время пора было уже по своим комнатам расползаться всей прислуге, кроме дежурной смены. Часть прислуги расходилась по домам, а другая проживала прямо тут. Мы с Михой жили в одной комнате, и отпускали нас отсюда только на выходные. В начале месяца составлялось что-то вроде графика дежурств, а в свободное время тут нужно было на занятие ходить. Что-то вроде школы для пажей было недалеко от дворца. Зачем было так усложнять и для чего всё это было нужно, я так и не понял. Сиплый заметил нас, и вальяжно махнул нам рукой. Я медленно, никуда не спеша, направился к нему, Миха

пристроился позади меня, за моей спиной.

– Господа! – ехидным тоном начал Сиплый, как только мы подошли ближе, – Я рад, что вы, наконец, соизволили осчастливить нас своим присутствием. Но к моему огромному сожалению, почему-то я не наблюдаю у вас обещанные волшебные ёмкости? Неужели вы хотите меня расстроить? Это было бы весьма... печально.

Он смотрел на нас своими серыми, блёклыми глазами так, как... Как... Да как я раньше смотрел на всех, кто был беднее меня! – наконец дошло до меня, и это почему-то озлобило меня ещё больше. И к тому же, я вдруг понял, что ещё меня смущало во всей этой истории. Получается, что одни дворяне отправили других воровать... Что-то мне подсказало, что это по меньшей мере странно. Судя по тому, что он многим здесь даёт в долг, он из обеспеченной семьи, так нахрена ему ворованное вино? Проще было купить. Нет, он предпочёл заморочиться, развести нас на игру в карты, обыграть, после чего отправить на дело. И почти сразу, как только мы оказались в подвале, буквально через несколько минут, туда пришёл Монах... Вот только ему там делать нечего было. Он не являлся распорядителем дворцовых подвалов, была тут и такая должность, оказывается, и получалось, что он пришёл туда, зная, что мы там. Это всё как-то очень плохо пахло... Явная же подстава. Только зачем?

– Боюсь, что мы вынуждены вас расстроить, господа, – холодно улыбнулся я ему, – Но вина не будет.

Глава 3

– Поясни, – холодно посмотрел на меня Сиплый, вставая.

– А что тут пояснять? – сделал удивлённый вид я, – Ты же и сам прекрасно понимал, что вино мы не принесём? Что там нас Монах накроет, после чего ты нас больше, скорее всего, и не увидел бы тут, так как нас просто выгнали бы с позором. Это же такой у тебя план был по избавлению от нас. Особенно, от меня, – скромно закончил я.

– Что за бред? – возмутился он, но глаза в сторону отвёл. Его подельники с удивлением смотрели на него. Видимо, не в теме были про его планы. Миха же изумлённо уставился на меня.

– Ну почему же бред? – усмехнулся я, не отводя от него глаз, – Сколько ты уже в пажах ходишь? Шесть лет? Или семь? А тут такого тупого типа, как я, повышать скоро будут. Обидно же, да? А вот если убрать двух недоумков из дворца, то может появиться шанс, что и тебя, наконец, повысят. Сколько же можно на низшей должности сидеть, верно? – подмигнул я ему, – Только вот не помогло бы тебе это. Всё равно не повысили бы тебя. Скорее всего, кого-то из твоих дружков бы тогда подняли, – кивнул я на его друзей.

– С чего ты взял? Почему это меня не повысят? – нахмурил брови Сиплый, проигнорировав мой наезд. До того, видимо, его выбило из колеи моё предположение, ударив по

самому больному месту.

– А ты думаешь, что о твоём не дворянском поведении никто из боссов не в курсе? – ещё сильнее оскалился я в ухмылке, – О твоих азартных играх? О том, что ты даёшь людям в долг, причём под проценты, что никак не подпадает под дворянский кодекс чести? Ну, или как там его... – чуть слышно добавил я себе под нос. Хрен его знает, есть ли он вообще этот кодекс. И с чего он вообще пришёл мне на ум, тоже непонятно.

– Да наверняка кто-то из твоих же дружков всё наверх доносит! – кивнул я ему на окружающую его свору, – Отсюда и результат. Никто не станет двигать выше по карьерной лестнице того, кто больше на какого-то ростовщика похож, чем на дворянина, – я замолчал, в ожидании его реакции, он же молча смотрел на меня, зависнув, явно своим скорбным умом пытаюсь обработать поступившую в мозг информацию. Я же все эти игры в подставь товарища, пока он не подставил тебя, ещё с английской школы прекрасно помнил. Там это даже преподавателями поощрялось. Считалось, что таким образом дети лучше подготовятся к реальной жизни. Такого понятия, как дружба. там вообще не существовало. Люди объединялись лишь по общим интересам и с конкретными целями, и в любой момент готовы были предать друг друга ради сомнительной выгоды. И я не жалуясь. Сам таким же был.

– Ну допустим, – нехотя немного растерянно процедил,

он, видимо, сумев, наконец, обработать своим ущербным умом поступившую информацию, – Но вашего долга это не отменяет. Завтра же чтобы отдали! И по рублю сверху! – попытался грозно нахмуриться он, но получилось откровенно жалко. Было видно, что моё предположение основательно выбило его из колеи. Его дружки отодвинулись в сторону, и о чём-то торопливо перешёптывались.

– Да не вопрос, – пожал плечами я, – Сделаем. Ну, если ты, конечно, завтра ещё будешь здесь, а не вылетишь пинком под зад отсюда. Ну ничего, если что, потом к тебе домой занесём.

– С чего бы это я должен вылететь отсюда? – удивился он, озадаченно почесав затылок.

– Да с того, – терпеливо, как маленькому, стал объяснять ему я, – Что сразу же после нашего сегодняшнего разговора я пойду к Монаху, и скажу ему, что меня мучает совесть так, что я спать не могу, пока не изолью кому-нибудь душу. Расскажу ему о наших азартных играх, о том, как ты коварно соблазнил меня ими, затянув в свои сети, о том, что задолжал тебе денег, ну и о процентах тоже расскажу, которые ты тут собираешь со всех. После чистосердечного признания, я напишу это всё на бумаге, и отдам её ему, а дальше уже будет совсем другой расклад, – мило улыбнулся я разом побледневшему и потерявшему уверенность Сиплomu, – Ему придётся как-то реагировать на моё заявление, и самым очевидным решением тут будет просто убрать из дворца раздражающий фактор, то есть, тебя. Ну, может кого ещё из твоих

приятелей рикошетом заденет, и их тоже уберут, – кивнул я на его группу поддержки, которая тут же отшатнулась от него ещё дальше в сторону, как от прокажённого.

– Что ты хочешь? – спросил он, нервно облизнув пересохшие губы, и опасливо глянув по сторонам.

– На самом-то деле, не так уж и много, – скромно ответил я, – Мы с Михаилом тебе больше ничего не должны, и ты с дружками больше нас не трогаешь. На всех остальных слуг мне плевать, так что сам решишь, продолжать своё дело или нет. Это меня уже интересовать не будет, – не стал лезть в бутылку я, и ограничился пока столь малыми требованиями. Если что, потом мы ещё к этому разговору вернёмся, а пока надо уже скорее завязывать с этим разговором. Голова раскальвалась неимоверно и хотелось как можно скорее уронить её на подушку. А потом, на свежую голову, ещё раз обдумать то положение, в котором я сейчас оказался.

– Так что ты решил? – поторопил я его мыслительный процесс, – Думай быстрее, я спать уже хочу, а мне ещё к Монаху идти.

– Не надо, к Монаху, – выдавил он, наконец, из себя, – Я согласен.

– Вот и чудненько, – кивнул я ему, – Тогда доброй ночи. Миха, пошли, – кивнул я своему товарищу, который замер на месте как деревянный столб, тоже пытаюсь, видимо, уложить у себя в голове происходящее. Он задумчиво кивнул мне, и заторможенно двинулся в сторону лестницы. Я поспе-

шил за ним.

Я уселся прямо в одежде на свою кровать и тоскливо огляделся. М-да... Небольшая комнатка, два на три метра, шкаф, пару кроватей, стол, на котором стояли два компьютера, пара стульев и тумбочки. Не густо... Да у меня кладовка дома была больше этого скворечника! А одежда? Это что вообще такое? Я успел мельком посмотреть шкаф, оторопело разглядывая аккуратно повешенные на вешалки несколько каких-то форм, то ли школьных, то ли рабочих, спортивные костюмы и пару комплектов шорт с футболками унылого серого цвета. Да у него даже трусы и носки были все одного типа и цвета – чёрного!

– Ты бы эта... Не сидел в одежде на заправленной постели-то, – подал голос Миха, уже успевший сесть за стол за комп, – Если Георгиевна, ну, Горгона, то есть, увидит – визгу будет на весь коридор, и накажет ещё. Будешь потом перед сном туалеты мыть

– Что ещё за... – начал было недовольно спрашивать я, но тут же захлопнул рот, вспомнив вдруг вздорную тётку, отвечающую за порядок в комнатах слуг, и вламывающуюся с проверками чуть ли не в любое время дня и ночи. Блять, в что ещё за тюрьму я угодил? – мысленно простонал я, но нехотя всё же встал, и перебрался на стул. Может, тоже в комп залезть? Глянуть, что тут в мире творится? Не, влом, – решил тут же я. Вообще пофиг, да и всё равно нужные воспо-

минания сами собой в голове всплывали. Вот если бы можно было в какую игрушку на компе поиграть, другой вопрос, но тут они были под запретом. Облом. Да и спать охота.

– А ты домашку делать не собираешься, что ли? – с удивлением спросил Миха, увидев, что я встал со стула и пошёл к кровати.

– Да ну нахрен, – отмахнулся я, – Устал. Думаю, разок можно и забить.

– Ну-ну, – ехидно отозвался мой новый друг, – Деньги тебе не нужны, значит? Странно, а мне казалось раньше, что для тебя каждый рубль имеет значение, и что в семье тебе не особо-то и много денег на карманные расходы выделяют. Когда ты разбогатеть-то успел, что от недельной стипендии решил отказаться?

Я замер посередине комнаты, вспомнив, что и действительно тут в школе еженедельно выдавалась стипендия, но только тем школьникам, которые учились без троек, и тем более без двоек, и у кого не было замечаний по дисциплине. Твою ж мать... Похоже, всё же придётся учиться. Деньги были нужны, так как и дальше носить такую нищевородскую одежду я не собирался, да и ништяки нужно будет всякие прикупить, и это я молчу про алкашку, от которой я вовсе не собирался отказываться и в новом теле. Я чуть ли не со скрипом повернулся обратно, и на деревянных ногах двинулся к компу, на котором и делалась вся домашка, после чего отправлялась на проверку учителям по почте.

Опять погружаться во всю это школьную хрень... – обречённо думал я, открывая темы. Я так радовался, когда, наконец, закончил школу, и тут опять в это дерьмо окунуться придётся. Причём, если там я мог просто забивать на всё это, вообще не парясь насчёт оценок, то тут, похоже, придётся реально мозги напрягать. По крайней мере, до тех пор, пока я не найду других источников дохода. Так, и что там у нас завтра? Я открыл расписание и уставился на него. Английский – это хорошо, на нём я свободно разговаривал, так как не мало времени прожил в Англии, Немецкий... Вообще не знаю. Одна надежда, что Дмитрий его знал. Я порылся у себя в памяти, точнее, у него. Ну, вроде, он очень даже не плохо учился, – с облегчением понял я, выхватывая обрывки чужих воспоминаний. Стипендии ни разу его не лишали, да и из знаний я, при желании, мог довольно много вспомнить. Я взбодрился, и уже гораздо спокойнее и увереннее читал дальше. Алгебра – тут я проблем для себя вообще не видел, так как тупым я вовсе не был, так что справлюсь. Обычно мне лень мешала нормально заниматься, но при желании я вникал во всё быстро, а алгебра была одним из моих самых любимых предметов, так как там всё было логично и конкретно, без всякой этой заумной хрени, которую пытались нам вбить в голову на тех же истории, философии и даже литературе. Физика – всё понятно, риторика... Это что ещё за хрень такая не понятная? – озадаченно почесал затылок я. Ага, вспомнил – филологическая дисциплина, изучающая

искусство речи, правила построения художественной речи, ораторское искусство, мировоззрение и красноречие. Единственный предмет, с которым у Молчуна были проблемы. Еле-еле на хорошо вытягивал и то только потому, что ему явно на встречу шли учителя. Ладно, прорвёмся. Что-что, а уж с красноречием у меня проблем никогда не было. Наоборот все говорили обычно, что у меня язык без костей. Идём дальше. Танцы... Чего? Я протёр усталые глаза, и глянул ещё раз. Надпись не изменилась. Это чё, блин, мне ещё и скакать на потеху толпе придётся? Трезвым?? Не, так-то я с удовольствием любил под музыку подрыгаться, но вот только залив перед этим в себя изрядное количество алкоголя, после которого вообще фиолетово было до того, кто там это может увидеть. К тому же, в клубах-то при этом темно было. Лишь светомузыка танцпол подсвечивала, а тут же вряд ли специально для меня в зале свет погасят? Ну, и опять же, прикид ведь нужен соответствующий, а не это недоразумение, которое у меня в шкафу висело!

Я тяжело вздохнул, и решил отложить этот вопрос с танцами на потом, продолжив изучать предметы. Французский... Чё за бред? Нахрена столько языков сразу изучать? Нас что, в переводчики готовят? Надеюсь, на этом иностранные языки закончатся? – я осторожно глянул остальные предметы, где других языков больше не обнаружилось, но меня это не успокоило, и я пробежался взглядом про урокам в другие дни, пока мой взгляд не остановился на... Латыни! Я изум-

лённо вытарасился, пытаюсь вспомнить, это в какой вообще стране на нём говорят? К сожалению, на ум ничего не приходило. Тут даже память предыдущего носителя дала сбой. Я глубоко вдохнул, выдохнул, и решил решать проблемы постепенно, шаг за шагом.

Открыл задания по алгебре и погрузился в пучину формул и расчётов, которая чуть не утопила меня накатившей волной тоски и отчаяния. Я ни-хре-на не понимал в том, что там написано и что нужно вообще сделать. Похоже, местная программа очень сильно отличалась от нашей.

– Миха, дай списать! – рывкнул я приятелю, который увлечённо барабанил по клавиатуре.

– А?! – аж подпрыгнул он, и уставился изумлённо на меня, – Молчун, ты чего? Совсем, что ли уже? Может, это удар так сказался и тебе врачу показаться надо? Полностью всё забыл, что ли?

– Меньше слов и больше дела! – оборвал я его поток вопросов, мысленно поморщившись. Опять, походу, накосячил где-то.

– Да как ты мог вообще забыть, что задания выдаются индивидуальные! – возмущённо заорал он, – У каждого они свои! Так что делай сам свои уроки! Ведь я же тебя предупреждал ещё вчера, что надо сразу делать, потом времени не будет, сам ведь не захотел. Всё отмахивался от меня, мол, и так успеешь, вот и результат! – обвиняюще ткнул он в мою сторону указательным пальцем.

– Ладно, не вопи, – отмахнулся я от него, – Это всё от усталости, видимо. Ну, и действительно может падение и удар сказались. Щаз всё порешаю, – я опять глубоко вдохнул и выдохнул, и погрузился целиком в бездну памяти Димона, пытаюсь из маленьких осколков сложить заново окно, через которое я мог бы нормально подсматривать за его воспоминаниями. Дело было тяжёлым и нудным, так как они были навалены как попало, без всякой системы, перемешавшись так, что пришлось изрядно постараться, выкладывая их последовательно от детства к сегодняшнему дню. Многих кусочков не хватало, так что полностью восстановить их не получилось, но тем не менее, часть пазла у меня сложилась, и я, наконец, смог разобраться хотя бы с алгеброй, после чего приступил к физике.

Естественно, одним из самых первых моментов, который я решил для себя прояснить, было насколько вообще ещё затянутся мои мучения со школой, и выяснил, что учусь я сейчас в десятом классе, а всего их двенадцать. Учёба была каждый день, кроме субботы и воскресения, и ещё одного дня по собственному выбору, когда надо было заступать в дежурную смену во дворце на целые сутки. Вот сегодня мы с Михой как раз таки с такой и сменились, так что завтра нас ждала школа. А вот после школы мы отправимся домой, так как завтра была пятница, а на выходные нас отпускали по домам, но в воскресенье вечером уже надо было вернуться обратно. На улице сейчас, как и в моём том мире, стоял

февраль, и до следующих каникул был ещё целый месяц. Я печально вздохнул, придя в уныние от вырисовывающейся перспективы, и продолжил делать уроки.

Я устало отодвинулся от стола, встал и побрёл к кровати, не дожидаясь, когда экран компьютера погаснет и он погрузится в сон. Было уже около двух часов ночи, и я чёрной завистью завидовал Михе, который уже час как сопел на своей кровати. А ещё ж надо бы до душа добраться, который был один на всю мужскую часть этажа. Я мысленно простонал, но сделал над собой усилие, и пошлёпал к шкафу за сменной одеждой, и тут в дверь тихонько постучали. Я напрягся. Что ещё за гости могут быть в такое время? На кровати перестал сопеть сосед, и вытаращился испуганно на меня, явно не собираясь ничего предпринимать. Я вздохнул, и поплёлся к двери. Осторожно приоткрыл её, и тут же был оттеснён в сторону маленьким светлым вихрем, ворвавшимся в комнату.

– Уф! Чуть было не было... Ты чё так долго-то! – обвиняюще ткнула в меня пальцем маленькое, мне по шею, юное очаровательное создание в коротких белых шортиках, обтягивающих весьма аппетитную попку, и в белой же футболке, через которую отчётливо просвечивался чёрный лифчик, скрывающий под собой довольно впечатляющую грудь размера так третьего. На меня сердито глядели большие голубые глаза, на которые то и дело падала непослушная чёлка

абсолютно белых волос. Мирослава Князева – всплыло вдруг у меня в памяти, – Если бы я попалась на глаза Горгоне, то досталось бы и мне, и вам!

– Мирка! – аж подпрыгнул в своей кровати Миха, бросая на неё гневные взгляды, – Ты обалдела, в такое время сюда приходить! А если бы тебя увидел кто? Совсем с ума сошла?

– Ой, да утихни уже, – бесцеремонно отмахнулась она от него, – От твоего крика сюда скорее прибегут. И вообще. Мне помощь нужна! Дим, – повернулась она ко мне, и состроила жалостливое личико, – Помоги! У меня кровать сломалась, а Горгона уже предупреждала меня, что ещё одно происшествие у меня в комнате – и она точно выгонит меня отсюда! Она давно уже на меня зуб точит, сам же знаешь, только повод дай. У тебя единственного из здешних парней руки из нужного места растут! – она молитвенно сложила руки на груди, умоляюще глядя на меня, а я же мысленно возликовал. Да неужто кто-то решил подсластить мне окончание этого трудного дня? Господи, спасибо тебе! – вознёс я мысленно хвалу, с интересом оглядывая аппетитную девушку, кокетливо смотревшую на меня. Ну явно же она вовсе не за помощью сюда пришла! Ну, точнее, за помощью, конечно, но совсем в другом деле. Ну что же, не будем разочаровывать девушку, и приложим все силы! Разочарована она не будет!

– Конечно, помогу, – кивнул я ей, – Веди.

– Погодите! А как же твоя соседка, Алиса? Она же вас сдаст! – продолжал волноваться на кровати друг, ну, или ско-

рее всего завидовать.

– Её нет сегодня, её зачем-то домой вызвали, – пожалала плечами девушка, уже идя к дверям.

– Ну так и ночевала бы на её кровати! Зачем было среди ночи сюда ломиться? – вполне резонно заметил Миха, видимо, изо всех сил пытаясь поломать мне свидание, на что я беззвучно зарычал, скорчил рожу и погрозил ему тайком кулаком. Он испуганно притих.

– Совсем дурак, что ли? – девушка аж остановилась, повернулась к нему и повертела пальцем у виска, – Про утренний обход забыл? Что бы с утра сделать, это вас часов в пять будить надо было бы, но вы же не встанете, проходили уже! Пойдём, – кивнула она мне, осторожно выглянула за дверь, и мышкой прошмыгнула в коридор. Я поспешил следом, мысленно жалея, что не успел почистить зубы, и об отсутствии презервативов. Причём, больше за последнее. Оставалось надеяться на то, что девушка она опытная, и сама о них побеспокоилась...

Глава 4

Кровать и впрямь оказалась сломана. Всё постельное бельё вместе с матрасом были убраны в сторону, и сейчас на полу валялась какая-то металлическая хрень с сеткой, а рядом, у стены, стояли две металлические же спинки. Мира уселась на кровать подружки и с любопытством наблюдала за моими действиями, я же озадаченно чесал затылок. Понятное дело, что все эти штуки надо было как-то приспособить друг к другу, но как? Я подошёл к одной из спинок, и, внимательно её осмотрев, обнаружил примерно посередине два углубления. Смутное предположение появилось в моей голове. Я переместил внимание на металлическую сетку, и ожидаемо увидел там что-то вроде загнутого крючка, который явно надо было вставить в этот паз. Это же элементарно, блин! Она вполне могла бы и сама это сделать, – перевёл я взгляд на Миру, ещё больше убедившись в том, что явно не за этим она меня сюда пригласила в такое время. Как мы ни на кого не наткнулись, пока шли сюда – это просто удивительно.

Вообще, находились мы сейчас не в самом дворце, конечно, а в трёхэтажном флигеле, находившемся во внутреннем дворе дворца. Он целиком был выделен под проживание прислуги. Мужчины занимали второй этаж, девушки – третий, а на первом находилась администрация, которую воз-

главляла тётка, которой дали прозвище – Горгона. То ли переделав её отчество – Георгиевна, то ли за тяжёлый гипнотизирующий взгляд, а может и за всё вместе. Сам же дворец представлял собой просто гигантский комплекс зданий этажей в восемь, с каким-то немыслимым количеством входов-выходов, которых только я уже успел насчитать штук десять, когда мы с Михой шли в наш флигель, который тоже был далеко не единственным во дворе. Только в зоне видимости было штуки три. В общем, даже не смотря на обрывки памяти Димона в моей голове, в одиночку я тут пока, пожалуй, перемещаться не рискну.

– Я пыталась сама починить, – торопливо стало объяснять девушка, продолжая сидеть на кровати, поджав под себя симпатичные ножки, – Но оно всё очень тяжёлое, к тому же, эти штуки с большим трудом входят в пазы. Моих сил для этого недостаточно. Она у меня уже не в первый раз почему-то так ломается. В прошлый раз я Трубецкого позвала на помощь, но он не сумел вставить. Хорошо, Дергачёв зашёл по делам, и они вдвоём кое-как смогли сделать.

– Угу, – односложно ответил я, примерно догадываясь, по каким таким делам мог зайти к ней этот Дергачёв. И вообще, это что надо такое делать с кроватью, чтобы спинки повывлетали из пазов? – размышлял я, занимаясь делом. Приподнял один край тяжёлой сетки, вставил его в пазы одной из спинок, что действительно потребовало определённых усилий, так как крючок входил очень туго, но я справился, после че-

го проделал ту же процедуру со второй спинкой, и хлопнул ладонью по кровати, основательней вгоняя её в пазы.

– Готово! – демонстративно отряхнул я ладони, и повернулся к девушке, – Можешь принимать работу!

– Спасибо! Мой герой! – прошебетала она, подскочила ко мне и поцеловала в щёку. Я вполне резонно оценил это как сигнал к действию, теряться не стал, прижал её к себе, опустил руки на упругие ягодицы и слегка сжал их, после чего в моём паху взорвалась вспышка боли из-за вонзившейся туда острой коленки, меня скрючило пополам и я судорожно стал открывать и закрывать рот, забыв, как дышать.

– Каз-з-зёл! – прошипела отпрыгнувшая от меня девушка, – Ты за кого меня вообще принял? За шалаву какую-то? Пшёл вон отсюда! Видеть тебя больше не желаю! – после чего меня без всяких церемоний вытолкали за дверь. Я тихо опустился в коридоре на корточки, еле сдерживая себя ото того, чтобы не заорать благим матом. Су-у-у-ка... Как же больно-то это, оказывается... И как вот, её мнению, я должен был понять, что она – «не такая», если вела она себя как «такая»?! Блин, чё делать-то? По хорошему, холод надо приложить, но где я его тут возьму? В душ надо! – осенило тут меня, – А уж там под холодную воду. Теперь только до ползти туда как-то надо, и при этом так, чтобы не попасться никому по пути.

Я потихоньку встал, и медленно, шаг за шагом, вдоль стеночки, пополз в сторону душевой. Меня даже не смущало,

что у меня не было с собой полотенца. Похрен. Так высохну.

Душевая находилась в конце длинного коридора, так что моё путешествие вышло довольно долгим. Каждый шаг отдавался резкой болью в паху, но я справился... Осторожно приоткрыл дверь, убедился, что там никого нет, и просочился внутрь, думая только о том, как бы поскорее остудить моё пылающее хозяйство, пульсирующее неимоверной болью, но на защёлку закрыться не забыл, во избежание различных эксцессов, и щёлкнул на стене выключателем, включая свет. Внутри оказалось штук пять кабинок, я дополз до первой же попавшейся, быстро скинул с себя всю одежду, и с облегчением включил прохладный душ, направив его на пострадавший орган. Ка-а-а-йф! Боль потихоньку отступала, я же медленно впадал в nirvanу. Многострадальный орган посинел, опух и представлял из себя жалкое зрелище. Бля, это же к врачу, наверное, надо? – молнией пронеслась в моем уставшем мозге мысль, – Кто знает, что может случиться, если не лечить? Вдруг вообще ампутировать придётся? – от подобных мыслей я впал в состояние паники, и аж вспотел, несмотря на холодный душ.

– Дружище, ты эта... Держись давай! – попытался я приободрить своё поникшее хозяйство, – Как же я без тебя тут буду? У нас с тобой, можно сказать, новая жизнь только-только началась. Мы же ведь даже ещё познакомиться толком не успели!

– Кто там не спит в такое время? – грозно рыкнул вдруг за дверью суровый женский голос, сопроводив рык мощным ударом по двери, из-за чего она заходила ходуном, а я понял, что если и не успел стать импотентом в результате полученного удара, то сейчас, скорее всего, уже точно это произошло. Я замер, как испуганный кролик, и судорожно стал оглядываться в поисках того, куда бы спрятаться. Вариантов, как вы понимаете, тут было не много. Даже более того, их вообще не было. Кроме кабинок тут были только пара лавок, да несколько раковин с зеркалами. Ну, и крючки для одежды на стене, но они, понятное дело, никаким образом помочь не могли. Вариант как в детстве при игре в прятки спрятаться под висевшую одежду точно не прокатил бы.

– А ну, быстро открылась, пока я дверь не выломала! – грозно продолжил голос, а до меня вдруг дошло, что моё положение даже ещё более печальное, чем я представлял себе до этого, хотя казалось бы, куда ещё может быть печальнее-то? До меня только сейчас дошло, что раз я на женском этаже, то значит, и душ этот тоже женский! Бля, во попал-то! Что-то мне подсказывало, то ли сердце, то ли пятая точка, что моё присутствие здесь не сильно-то обрадует ломившуюся сюда дамочку.

– Открывай, я сказала! – содрогнулась дверь от очередного удара, и до меня дошло, что и впрямь выломает, и тогда последствия будут ещё хуже.

– Минуточку! Я одеваюсь! – проблеял я, поспешно натя-

живая одежду прямо на мокрое тело, что получалось с большим трудом.

– Не поняла? – пробасил голос, – Мужик, что ли? Не дай бог, если ты там не один... Капец тебе, парень. Молись сразу.

– Один! Совсем один! – поспешил сразу заверить её я, и открыл дверь. На пороге застыла монструозного вида женщина под два метра ростом, широченными плечами, и внушительным бюстом, как огромные орудия уставившимся на меня, пытаясь вырваться на волю из халата, в который была укутана дама. Маленькие зелёные глазки на широком, покрытом веснушками, лице, сурово смотрели на меня, буквально прожигая насквозь. Обычно-то я женщин и девушек не боюсь, но тут у меня сами собой ноги подкашиваться стали.

– Чарторыйский? Вот от тебя я этого совсем не ожидала!

– Извините, Елизавета Георгиевна! – зачастил я почему-то вдруг ставшим тонким голосом, попытавшись протиснуться мимо неё, но это была невыполнимая задача, проход был перекрыт плотно, – Понимаете, – лихорадочно придумывал отмазку я, – Кто-то заперся в мужской душевой и не открывал на стук! Я целый час пытался попасть в душ, и в итоге не дождавшись, решил сходить сюда. Простите. Просто уже очень поздно, завтра рано вставать, а я не могу ложиться спать не помывшись. Если бы здесь хоть кто-то был, то естественно я бы сразу ушёл, не став никому мешать, – нёс я какую-то лютую дичь, лишь бы не молчать. Тяжёлый

взгляд этой женщины буквально приковывал меня к месту, вызывая чувство оцепенения. Она вдруг как-то выдохнула, помягчала лицом, и потрепала меня по макушке, отчего я чуть не присел.

– Понимаю, – прогудела она, – Сама такая же. Не могу уснуть не сходяв душ. Для таких больших людей, как мы с тобой, это настоящая проблема. Каждый вечер воняю, как потный поросёнок. Как говорится, хуже потной женщины может быть только большая потная женщина. А в душе опять, наверное, Глинский закрывался, скромник наш. Не переносит он, видите ли, когда с ним рядом ещё кто-то моется. Сколько раз я ему уже говорила, чтобы он заканчивал уже этой ерундой страдать! Ну, или каким другим непотребством. Уж не знаю, чем он там занимается столько времени. Но ты всё же сюда больше не ходи! Это женский этаж – тебе сюда никак нельзя, особенно, в такое позднее время. На первый раз прощаю, но в следующий приму меры!

– Понял. Осознал. Больше не повторится! – отрапортовал я, обрадованный, что экзекуция, видимо, отменяется. На фоне этой нервотрёпки у меня даже перестал болеть пах, так что может и без ампутации обойдётся, что не могло не радовать.

– Молодец! – одобрительно хлопнула она меня по плечу. Я покачнулся, но устоял, – А в душ, если что, можешь к нам на первый этаж ходить! Ключ я тебе дам, – она тут вдруг фривольно мне подмигнула, а я мысленно поклялся всем бо-

гам, что никогда в жизни не пойду в душ на первом этаже. Иначе, чую, беда может быть... От неё у меня отбиться вряд ли получится.

– Спасибо! Разрешите идти? – ещё сильнее выпрямился я. Сам не знаю, откуда у меня эти армейские замашки появились. Может, как-то сказалось, что у носителя брат военный, но ей они явно понравились.

– Ну хоть один нормальный мужчина в этом дурдоме есть, – одобрительно хмыкнула она, окинув меня плотоядным взглядом, – Иди! Пока...

– До свидания. Спокойной ночи! – просипел я, протискиваясь мимо неё, так как полностью она отойти не соизволила, лишь слегка отодвинувшись в сторону.

– И тебе спокойной ночи, – улыбнулась она так, что в её исполнении эта фраза прозвучала как-то очень уж интимно. Я предпочёл не развивать тему, и поспешно направился к лестнице на свой этаж. Хватит с меня на сегодня приключений...

– Ну что, помог Мирке? – широко зевая, поинтересовался утром Миха. Перекинув на плечо полотенце, он явно собирался идти в душ, я же пока никак не мог заставить себя оторвать голову от подушки. Ночь прошла ужасно... Мало мне было тех ночных приключений, так, похоже, ещё собственная кровать решила добить меня, а точнее, матрас. Уж не знаю, из чего он был сделан, но его пружины, без всякой жа-

лости впивавшиеся в меня, я прочувствовал каждой клеточкой своего многострадального тела. И как только мой предшественник столько лет спал на нём? Это же просто невозможно! Я проворочался на ней всю ночь, и смог уснуть уже совсем под утро. Это же просто пытка какая-то! Нет, вот с этим делом я точно мириться не буду, и обязательно выбью себе новый матрас, а лучше, вместе с кроватью! Тут до меня дошло, что выбивать скорее всего придётся у Горгоны, и я приуныл.

– Помог, – проворчал я, – Лучше бы не помогал. Ненормальная какая-то.

– А что случилось? – с любопытством поинтересовался друг, уставившись на меня.

– Да она...! Не важно... – вдруг остыл я, вовсе не горя желанием делиться подробностями происшествия и рассказывать о полученной травме. О ней так вообще лучше не думать было, – Ненормальная. Что она вообще с этой кроватью делает, что та у неё из пазов вылетает?

– Опять? Так это всё её соседка успокоиться не может. Алиса, – рассмеялся он вдруг, – Ты же знаешь Миру, как она любит, едва зайдя в комнату чуть ли не с разбегу на кровать запрыгивать? Ну, а Алису это жутко бесит. Она сначала по хорошему пыталась убедить её так не делать, но та – ни в какую! Вот и результат. Когда Миры в комнате нет, соседка просит кого-нибудь из своих друзей-парней, чаще всего, Дергачёва Лёху, стенки кровати из пазов повытаскивать так,

чтобы они еле-еле держались. Тот только рад помочь, так как давно не ровно дышит к Алисе и это для него лишний шанс с ней пообщаться. Ну, и когда Мира в излюбленном стиле падает на кровать, та распадается на части. Уже раза три так было, но до этой дурочки пока так не дошло в чём тут дело.

– Тогда всё понятно, – поморщился я, вспомнив опять про её «ласковый приём». И всё равно, нет ей оправдания! Подумаешь, полапал чуть-чуть! Что же теперь, калечить что ли из-за этого! – преисполнился я праведного негодования, и со стоном сел на кровати.

– Блин! Неужели нельзя сюда нормальные кровати с нормальными же матрасами поставить? Что это за издевательство такое? – проворчал я недовольно, разминая спину.

– Сам же знаешь. Это тоже элемент подготовки дворянина, – пожал плечами Миха, уже взявшись за ручку двери, – Настоящий дворянин должен быть стойким и сильным, и уметь преодолевать любые трудности и невзгоды на своём пути. Вот нас и натаскивают в таких условиях. И вообще, тебя же раньше всё устраивало? Чего это ты вдруг об этом заговорил? – с подозрением поинтересовался он.

– Да так, – сквозь зубы процедил я, – Не обращай внимания. Видимо, не выспался просто.

Миха убежал мыться, а я, тяжело вздохнув, встал, хотя мне и хотелось сейчас больше всего на свете упасть обратно на кровать, не смотря на всё её неудобство, и отрубиться часиков так на пять. Эх, в душ бы сейчас сходить, но я

как представил, что все будут пялиться на мою травму, а никаких занавесок там нет, то сразу передумал. Ограничусь обычным умыванием пока. Вообще, по-хорошему, к врачу бы сходить, но уже не болит почти, вроде. Я, оттянув резинку трусов, бросил печальный взгляд на пострадавший орган. Вроде живой, хоть и выглядит как баклажан какой-то. Не, не пойду, – принял волевое решение я. Ещё неизвестно, что вообще за врач там будет. Надеюсь, что и так всё обойдётся.

Я медленно подошёл к стене, на которой висело довольно большой квадратное зеркало. Вчера я как-то упустил этот момент, а ведь сам хотел узнать, как я сейчас выглядел. Из зеркала на меня мрачно смотрел жгучий брюнет, с карими глазами, узким, вытянутым бледным лицом и прямым носом. Угрюмый взгляд придавал лицу какое-то хищное выражение, из-за чего я был похож на какого-то brutального мафиози. А ничё так! Я, оказывается, довольно красив и мачо-образен. Причём, слава богу, красив не той слащавой красотой которой, сейчас славятся современные подростки, превращаясь в существ непонятного пола, а суровой мужской красотой, отдающей стальной харизмой. Для завершения образа не хватало ещё какого-нибудь небольшого шрама на щеке, ну да и так пойдёт. Я немного ещё покрасовался перед зеркалом, напрягая мышцы, пока от двери не донеслось насмешливое, – Да красив. Красив. Хорош уже любоваться собой. Нам идти уже пора, а ты ещё даже не одет.

У входа в комнату стоял Миха, и насмешливо пялился на

меня. Появилось страстное желание отвесить ему пинка, но я пока пересилил себя.

– Сейчас. Пять минут, и я буду готов, – коротко бросил я ему, и быстрым шагом направился к душевой, выполняющей в том числе ещё и функции ванной комнаты.

В отведённое самим собой время я не уложился, но пусть хоть и не через пять, а через десять минут, мы с Михой вышли из дворца на улицу, где я вдруг ошеломлённо замер, пялясь на совершенно невообразимую в моём мире картинку. На высоте в пару десятков метров от земли по воздуху летели несколько машин.

– Ты чего замер? Магомобилей ни разу не видел, что ли? – толкнул меня в спину Миха, приводя в себя, – Побежали уже. Мы опаздываем.

– Ага, – ошеломлённо выдохнул я, и шагнул вперёд, не отрывая взгляда от моей давней мечты...

Глава 5

На урок мы примчались буквально за тридцать секунд до его начала, что, возможно, было и к лучшему. В классе было человек тридцать народу, и вот так, сходу, я не мог всех вспомнить, и с кем из них в каких отношениях я был, так что за время урока как раз успею немного привести в порядок мысли и чужие воспоминания. К тому же, первым уроком был английский, что позволило мне пока сильно не напрягаться. Вела урок уже довольно пожилая женщина, Варвара Семёновна, крайне суровая на вид и с весьма громким голосом. В первые пятнадцать минут был опрос по домашнему заданию, а потом новая тема. Меня она подняла одним из первых, и попросила прочитать и перевести первые пять предложений из заданного текста, с чем я справился без малейших проблем.

– Садитесь, Дмитрий. Отлично, – благосклонно кивнула она мне, поправляя круглые очки, – Странно... Почему-то мне показалось, что за время прошедшее с прошлого урока у вас даже произношение поменялось. Вы, конечно, человек трудолюбивый, и никогда у меня к вам не было претензий в части самоотдачи, но вот произношение, честно говоря, у вас хромало на обе ноги, уж простите за прямоту, но тут... Вы меня прямо приятно удивили, – развела руками, – Вот только я ума не приложу, как его можно было исправить

за столь короткое время. Вы можете как-то мне это объяснить? – внимательно глянула она на меня.

– Не могу знать, Варвара Сергеевна, – тут же опять подскочил с места я, – Но вы же знаете, что я всегда усердно учился. Возможно, количество, наконец, переросло в качество?

– Возможно, – сухо улыбнулась она, сверля меня цепким взглядом, – Вот только как вы объясните мне то, что я учу вас современному Нью-йоркскому акценту, а у вас в произношении отчётливо слышится классический Лондонский?

– Даже не знаю, что вам сказать на это? – удивлённо развёл руками я, – Может, сказывается то, что я люблю слушать английские песни? Другого объяснения у меня нет.

– Да, такое тоже может быть... – задумчиво произнесла она, отведя взгляд в сторону, – Хорошо, садись. Всем бы такой эффект от прослушивания песен получать. Я бы тогда на уроках их бы стала включать.

Она, наконец, от меня отстала, переключившись на следующую жертву, обречённо ставшую что-то мямлить, спотыкаясь на каждом слове, про великую реку Миссисипи, а я смог вернуться мыслями к недавнему событию. Тут есть летающие машины! Это же охренеть, как круто!! Да я о подобном с самого детства мечтал! Никаких пробок, летаешь куда хочешь, надоело – приземлился на дорогу и дальше едешь. Никаких ограничений! Кто-то скажет, купи себе самолёт или вертолёт, получи права, да радуйся, но н-е-е-е-т, это всё не

то. Летал я и на том и на другом. Причём, без всяких прав, правда, при пристальном контроле пилотов. Ощущения не те. Свободы не хватает. Контроль со всех сторон бесит. Все эти разрешения на посадку, на взлёт... Что нельзя сесть куда хочешь, взлететь откуда хочешь. Нет, не то. А тут... А тут другая проблема. Как я успел вспомнить, покопавшись в воспоминаниях Димона, летать на местных магомобилиях могли только, как вы думаете, кто? Нет, не олигархи. И нет, не только чиновники, хотя и они тоже. Главное условие – человек должен быть магом! Именно при помощи магии эта машина и летает и ездит. В памяти предыдущего носителя было маловато информации об этом, так как магом он не был и стать им не стремился, но всё же мне удалось вспомнить, что двигались эти автомобили при помощи того, что от мага-водителя магия поступала в некий магоприёмник, а уже оттуда передавалась в те устройства машины, которые отвечали за движение как по земле, так и по небу. То есть, этим машинам не нужно было никакого топлива! Это же офигеть, как круто! Но, блин, магия... С магией всё было и просто и сложно одновременно...

Тут меня на минуту вырвало из моих мыслей то, что училка подняла отвечать соседку передо мной, на которую я и до этого периодически посматривал из-за её длинных волос, выкрашенных в ярко-розовый цвет, невольно приковывающих к себе взгляд. Одета она была, как и все девочки в классе, в школьную форму, состоявшую из белой блузки и чёр-

ной короткой юбки. Девушка вскочила так резко, что юбка чуть ли не подпрыгнула вместе с ней, на долю секунды засветив то, что обычно окружающим не видно. По-моему, там промелькнул рисунок котёнка, но это не важно. Важно то, что от этой картины вдруг решил подать признаки жизни один мой пострадавший орган, кровь прилила к нему, и я чуть не взвыл благим матом прямо на уроке. Твою ж-ж-ж-ж... – тихо прошипел я чуть слышно сквозь зубы. Походу, рано я поверил в своё выздоровление. Видимо, ему категорически противопоказаны даже намёки на секс. Учитывая, что в школе полно симпатичных девушек, а молодые парни при виде их вообще не в состоянии мыслить о чём-то другом, меня ждали впереди очень трудные времена...

Я перевёл взгляд на окно, постаравшись сосредоточиться на кружившихся там в танце снежинок. Твою мать! Танцы! – мысленно взвыл я. Ещё ж и они сегодня, а я почему-то сомневался, что там обойдётся одной только теорией, ну, или индивидуальной программой. Так, надо срочно тему размышлений менять, решил я, иначе я себя доконаю. Проклятые гормоны. Я уже и забыл, как же с ними тяжело было в этом возрасте. Итак, магия... Проще с ней было потому, что практически любой, за очень редким исключением, мог стать магом. В теории. На практике же это дело осложнялось тем, что инициацию можно было пройти только в специальных государственных учреждениях за очень большие деньги, или заключив контракт с государством на пятнадцать лет, из

которых ты потом пять лет учился в магической академии, и ещё десять лет после неё должен был отработать на государство там, где тебе скажут. Причём, ты не мог прийти и просто сказать, давайте мне ваш этот контракт, делайте меня магом и я всё отработаю. Всё было совсем не так... Как правило, государство само подыскивало себе кандидатов в маги, и с улицы туда попасть было практически невозможно. Учитывалось всё. Происхождение, оценки в школе и характеристика оттуда же, уровень интеллекта, спортивная подготовка. Возможно, что-то ещё, но этого уже Димон не знал. Он об этом-то услышал в разговоре старшего брата, который стал военным, и отцом. Была у того мысль стать военным магом, за это нехилых плюшек должны были отсыпать, но он уже на стадии тестирования слился. Говорит, вопросов было штук двести, и все на самые разные тематики. Вариант пройти за деньги они даже не рассматривали, так как таких сумм у нас просто не было, так что единственный шанс – это работа на государство. М-да, если с оценками, характеристикой, происхождением и спортивной подготовкой благодаря предыдущему носителю всё было далеко не так плохо, то вот тестирование... Боюсь, что завалю я его. Да и без косяков ещё два года отучиться тоже весьма проблематично было. Наверняка где-нибудь, да сорвусь. Не могу я без этого. К тому же, ещё вопрос, как и кого мне нужно было убедить для того, чтобы мне вообще предоставили такую возможность. Ну, не императора же?

Следующие два часа превратились в настоящую пытку. Как я уже говорил, девушек тут было много, все они были одна другой краше, да ещё эти короткие юбки... Они весело щебетали на переменах друг с другом, присаживались на парты, подшучивали над парнями. Даже по мне пару раз беззлобно прошлись, но вообще, ко мне никто не лез. Сказывалось то, что Димон был молчуном по жизни, а смысл о чём-то говорить с тем, кто тебе почти не отвечает? Вот и я пока не стал рушить уже созданный образ. Пока он мне был только на руку. На переменах я либо дремал, уткнувшись в парту, либо, как сейчас, смотрел в окно...

– Дима, может ты уже посмотришь на меня, наконец? Долго я тут стоять буду? – вырвал меня из раздумий чей-то звонкий голос. Я нехотя обернулся, предчувствуя, что вряд ли услышу что-то хорошее. Передо мной стояла наша королева класса Диана Одинцова. Высокая, стройная голубоглазая красавица-блондинка, выдающихся достоинств во всех смыслах этого слова.

– Что ты хотела? – чуть недовольно буркнул я. В былые времена мне бы только в радость было бы по пялиться на такую красотку, а то и пофлиртовать с ней, но сейчас мне даже просто смотреть на неё было больно...

– Я надеюсь, ты не забыл, что у нас сегодня отборочные соревнования на танцах? Ты мне обещал, что мы пройдем дальше. Я рассчитываю на тебя! – строго смотрела она на

меня сверху вниз, сложив руки на впечатляющей груди.

– Какие ещё от... Ах, отборочные! – спохватился я, – Конечно, помню! Всё будет пучком, не переживай!

– Каким ещё пучком? – нахмурила она прелестные бровки, – Мне очень надо, чтобы мы прошли отбор! Я матери обещала, что в этом году буду в финале, понял? Не подведи меня, очень тебя прошу! – она развернулась и ушла, я же чуть не запаниковал, еле сумел себя сдержать. Я действительно вспомнил! Танцы тут были не просто уроками, а целой системой весьма престижных соревнований, в которой участвовали все классы, начиная с восьмого. Сначала от каждого класса выбирались лучшие три пары, потом проходил отбор лучших трёх пар школы, которые проходили в муниципальный этап, потом следовал региональный, в нашем случае он назывался Московским чемпионатом по парным танцам среди школьников, а далее следовал – Всероссийский... Мы, точнее Димон с этой Дианой были одними из лучших танцоров школы, и в этом году она твёрдо нацелилась на призовое место в чемпионате города, и тихонько мечтала о пьедестале Чемпионата Российской империи. Сегодня ожидался отбор лучшей тройки школы. Твою ж мать... Во попал-то? Ну какой сейчас из меня танцор? Я и в нормальном-то состоянии танцую весьма так себе, особенно если по трезвяку, а уж сейчас-то... Так, и чё делать? – заметались у меня в голове тревожные мысли. Танцы через урок, до конца перемены минут пять, и не факт, что на следующей пере-

мене будет уже не поздно. А может...? Не дожидаясь, пока мысль окончательно сформируется в моей голове, я поспешно вскочил, скривился от приступа боли, вызванного столь необдуманным поступком, и поспешил выйти из класса.

Кажется, здесь... – остановился я перед белой дверью. Не был уверен я на сто процентов в правильности маршрута из-за того, что Димон был обычно здоров как лось, и ни разу ещё в старшей школе не прибежал к помощи медкабинета. И совершенно зря, на мой взгляд! Это же такая шикарная возможность вполне официально откосить от занятий! Сейчас пожалуюсь на что-нибудь, и меня или домой отпустят, или здесь оставят полежать. Красота же! Осталось придумать, на что жаловаться. Может, сказать что живот болит? А если решат, что отравился и промывание желудка будут делать?? – возникло вдруг резонное опасение. Да ну нахрен. Лучше скажу, что голова болит. Точняк, это самый безвредный вариант! Максимум, таблетку какую заставят сожрать, да покой пропишут, – обрадованно решил я, и смело постучал в дверь.

– Да-да? Открыто! – донёсся до меня мягкий женский голос. Я вошёл внутрь, и замер на пороге, чуть не скрючившись от резкого приступа боли. За небольшим столом сидела сложив нога на ногу в коротком медицинском халатике симпатичная молодая медсестра и что-то писала в лежавший на столе журнал. В глубоком вырезе призывно колыхалась грудь

размера так четвёртого, а длинные стройные ножки были обнажены чуть ли не до середины бедра, и слегка покачивались в такт негромко звучащей откуда-то музыке.

– Привет! – оторвалась она от записей, и с мягкой улыбкой посмотрела на меня, – Ты что-то хотел?

– Уже нет... – просипел я, еле удерживая себя, чтобы не согнуться чуть ли не пополам от острого приступа пульсирующей боли. Кое-что в штанах отчаянно рвалось в бой и его не останавливала даже дикая боль, за что я готов был оторвать этого гада! Ну куда ты сволочь рвёшься? Ещё в себя не успел прийти, а уже девушку тебе подавай! С-скотина...

– Извините за беспокойство... – продолжал сипеть я, одной рукой держась за пах, а другой пытаюсь нащупать ручку двери, – Пойду я, пожалуй...

– Подожди, я же вижу, что с тобой что-то не так! – взволнованно крикнула девушка, вскочила с места, и подбежала ко мне, – Где болит? Здесь?? – потянула она руку к моей руке, прикрывающей пах.

– Не трогайте! – испуганно отскочил от неё я в сторону, но это лишь ещё дальше увело меня от двери, и сейчас я с нарастающим ужасом в глазах смотрел на приближающуюся ко мне чью-то сексуальную фантазию.

– Не бойся. Я же не кусаюсь... – успокаивающе мягко произнесла она, медленно подходя ко мне. Я так же медленно отползал от неё.

– Ты что? Стесняешься меня? – вдруг озарило её, я про-

молчал, всё также держа между нами дистанцию.

– Я же врач! Меня не надо стесняться! Ты можешь спокойно мне всё-всё показать! Я окажу первую помощь, и скажу, что тебе делать, если там что-то серьёзное! – продолжала она меня мягко уговаривать, придвигаясь ко мне, но не на того напала!

– Да вы себя в зеркало видели? Ну какая из вас может быть врач! Да вам нужно в фильмах для взрослых сниматься, а не врача из себе изображать! И как вас только на работу сюда взяли?! Тут же дети! Вы вообще в курсе, сколько мне лет? Разворачиваете тут меня всюю! Извращенка! – вырвался у меня вопль из глубины души. В данную секунду я даже не вспоминал о том, что не раз в прошлой школе мечтал о подобном приключении. Ну не до фантазий мне сейчас было!

– А?? – опешила она. Я воспользовался моментом, пока она в находилась в ступоре, ужом проскользнул между нею и стеной, лишь слегка задев её буфера, и выскочил за дверь.

– А ну стой, скотина мелкая!! Как ты там меня назвал?? – донёсся из-за спины злобный рык, из-за чего у меня появилось ощущение того, как будто неведомое чудовище пробралось в школу с целью меня сожрать, и я ускорил ход до предела своих нынешних скромных возможностей, но всей спиной ощущал приближение богини мести. Не глядя я распахнул первую попавшуюся дверь, и занырнул в класс.

– А вот и господин Чарторыйский изволил осчастливить нас своим присутствием, – издевательским тоном встретил

меня какой-то мужик. В обычное время я бы не упустил возможности огрызнуться в ответ, но сейчас лишь смог выдать из себя тихое, – Извините...

– Позвольте полюбопытствовать, что же послужило причиной вашего опоздания на урок риторики? – не отставал он от меня.

– В медкабинет ходил, – не стал скрывать я.

– Да неужели? – скептически поднял бровь он, и тут дверь класса распахнулась, и в дверях тяжело дыша застыла медсестра, грозно уперев руки в боки.

– Где этот мелкий засранец? – прорычала она оглядываясь, и тут же её взгляд остановился на мне, – Вот ты где... – прошипела она и шагнула ко мне. Я поспешил спрятаться за совсем не широкой спиной уже довольно пожилого учителя, с огромным удивлением уставившегося через очки на неожиданную гостью.

– Спасите... – прошептал я ему на ухо.

– Госпожа Анна, извольте объяснить, что тут происходит! – строго спросил он у ворвавшейся Немезиды, – Вы срыгаете мне урок!

– Да он.. да он... – заклинило вдруг её. Её грудь гневно вздымалась, а огромные глаза буквально метали молнии, – Ну подожди, доберусь я ещё до тебя! – угрожающе рыкнула она, развернулась, и, не прощаясь, выскочила из класса

– Ну-с, молодой человек, – повернулся он ко мне, – Не соблаговолите ли вы объяснить мне, что у вас случилось с

нашей многоуважаемой госпожой Анной? Уж не сочтите за труд. Окажите нам такую любезность.

– Да ничего особенно, – скромно потупил я взгляд, – Мы всего лишь не сошлись с ней во взглядах по вопросу одежды...

Урок риторики шёл своим чередом, гораздо быстрее, чем мне хотелось бы. Я с ужасом наблюдал за минутной стрелкой, которая с жестокой неумолимостью приближала меня к неизбежному... Вот и как мне теперь быть? Просто отказаться? Испорчу отношения как с Дианой, так и с учителем танцев, который на нас рассчитывает. Так-то плевать, конечно, но тут мне вспомнилось, что мать Дианы далеко не последний человек в городской мэрии, и вот с этим человеком мне портить отношения не хотелось от слова совсем. Танцевать? Но там как физиологические проблемы могут быть, так и просто опозориться могу сам, ещё и девушку подведу. Хотя-я-я... – задумался я. Носитель же довольно хорошо танцевал, может, просто постараться абстрагироваться и всё получится? А не получится, так просто скажу, что плохо себя чувствую, вон, даже в медкабинет ходил, чему весь класс свидетель, но в итоге решил танцевать через не могу, чтобы не подводить коллектив. Да, Диана с учителем может и будут недовольны, но особых последствий от этого не будет. Форсмажор же! С каждым может случиться. А что? Очень даже не плохо звучит! По-моему, вообще гениально! Решено, так

и сделаю... Я расслабился, и уже довольно спокойно услышал трель звонка на перерыв. Ну что же, несколько минут позора, и я вырвусь, наконец, из этого ада...

Глава 6

– Ты что творишь? – злобно шипела на ухо Диана, – Ты бы ещё за версту от меня ушёл! Ближе прижимайся! Это танго, а не вальс! Ты совсем танцевать разучился, что ли?

Мы кружили под ритмичную музыку в довольно большом зале среди ещё таких же примерно двадцати пар. Разучился? Для того, чтобы разучиться, надо сначала научиться, а я подобным никогда не занимался! И куда уж ближе-то? Она и так почти не отлипает от меня! Ещё и наряд этот провоцирующий, который почти ничего не скрывал. Ни у неё, ни, что самое ужасное, у меня... Надо ли говорить, что этот танец для меня превратился в настоящую пытку? Ещё удивительно, как я ей все ноги не оттоптал. Всё-таки, видимо, что-то это тело помнило. Пора приступать к плану Б, – понял я, увидев, как лицо партнёрши все больше и больше наливаются багровым цветом, а глаза метают настоящие грозовые молнии.

– Приболел я немного... – прошептал я ей примиряюще, – Не хотел тебя подвести, вот и не стал никому об этом говорить...

– Чарторыйский! С-скотина... Не знаю, чем ты там заболел, но если из-за тебя мы не выйдем дальше, лучше сам себя добей, чтобы не мучиться. Я же тебя тогда... – она продолжила что-то шипеть сквозь зубы, но я уже не слушал, абстра-

гировавшись от ситуации, сосредоточившись на других мыслях. Сегодня предстояла поездка домой, и надо будет постараться не облажаться там, чтобы никто не догадался о подмене. Всё-таки одно дело морочить голову приятелям, и совсем другое – близким родственникам. Особенно – матери. Вот, кстати, Монах говорил, что там мать у Дмитрия заболела, а это важно. Что, интересно, с ней случилось? Память предшественника об этом молчала. Мама, кстати, у него была очень красивая и совсем ещё не старая. Чуть больше сорока лет, но на вид больше тридцати ей не дать. Звали её Елизавета. И никаких Лиз! Все, даже отец, обращались к ней именно так – Елизавета, уж не знаю, почему. Была она довольно строгой и требовательной, но при этом, очень любила своих детей, которых у неё было целых пять! У Дмитрия было два старших брата, и две младших сестры. Мама нигде не работала, и занималась домом, а отец практически всё время пропадал на работе допоздна, иногда даже по выходным, так что был шанс, что сегодня я его не увижу. Старший брат, как я уже говорил, был военным и служил в одной из частей московского гарнизона, средний учился в Юридической академии и при этом помогал отцу на заводе, сёстры ходили в младшую школу. Мать своего младшего молчаливого сына любила и выделяла из всей троицы сыновей, и именно она настояла, чтобы Дмитрия отправили служить по дворцовой линии, а не как хотел отец – в кадетский корпус отправить. Спасибо тебе за это, святая женщина!

– Дмитрий! Дмитрий, хватит меня уже кружить, музыка закончилась давно! – вырвал меня вдруг из раздумий разгневанный голос Дианы, – Да что с тобой сегодня?

– Извини, увлёкся, – нелепо отмазывался я, нервно оглядываясь по сторонам. Немногочисленные зрители аплодировали участникам, которые все уже ушли с танцпола, и только мы с Дианой замерли посередине, приковывая к себе все взгляды.

– Увлёкся он, – проворчала она, беря меня под руку, и уводя к скамейке у стены, – То топчется как деревянный, то вдруг чудеса эквилибристики показывает. Совсем закружил меня, изверг...

Упс! Кажется, пока я отвлёкся на мысли о семье, тело оказалось предоставлено само себе, и вспомнило всё, чему его учили, – дошло вдруг до меня. Блин! Надеюсь, моих косяков в начале хватит для того, чтобы мы, не дай бог, дальше не прошли? Как-то вот не стремлюсь я делать карьеру танцора от слова совсем!

– ...и в следующий этап проходят Вениамин Грохотов и Анна Шуйская, Сергей Шаповалов и Ирина Чемезова, и последняя пара... – нагнал жути председатель жури, высокий толстый дядька, – Дмитрий Чарторыйский и Диана Одинцова!

– Да-а-а! – заорала и запрыгала рядом партнёрша, а потом вдруг запрыгнула на меня и поцеловала в щёку.

– Не-е-е-ет!! – мысленно вопил я, но меня никто не слы-

шал...

Я думал, что после школы мне придётся как-то своим ходом домой добираться, но оказалось, что за Дмитрием всегда машина приезжала с нашим личным водителем. Этот момент как-то не отложился у меня в памяти, так что для меня оказалось приятным сюрпризом, что когда я вышел из ворот школы, то чуть в стороне увидел Демьяна, махавшего мне рукой, видимо, чтобы я быстрее нашёл нашу машину в целой веренице припаркованных тут автомобилей. Не знаю, как так срабатывала память моего предшественника, но как только я увидел махавшего мне здоровенного мужика в кожаной куртке, в голове сразу вспыхнуло – Демьян, наш семейный водитель, который чаще всего возил по делам и магазинам мать, и всегда забирал меня по пятницам из школы, а в воскресенье вечером отвозил обратно.

– Доброго денёчка, господин, – гулко поприветствовал он меня, и изумлённо вытаращился на меня, когда я вдруг протянул ему руку. Блин! Опять косяк! Ну не принято тут было здороваться за руку с прислугой, так что я скорректировал её движение, поднял вверх и помахал ему.

– Привет, Демьян! Как дела? – дружелюбно оскалился я, и он вытаращился на меня ещё сильнее, так как Дмитрий никогда ему ничего не говорил, и лишь кивал при встрече.

– Спасибо, господин. Дела-то в целом, не плохо... Мда-а... – озадаченно выдохнул он, открывая мне дверь чёрного

высокого внедорожника, неизвестной мне марки.

– Твою ж мать... – тоскливо подумал я, усаживаясь в машину, – Ещё выехать не успел, а уже косяк за косяком делаю... Что же дальше будет? Я переключился на виды за окном, с интересом рассматривая такую и знакомую, и незнакомую при этом Москву, где причудливым образом переплелись абсолютно несовместимые вещи. Рядом с каким-нибудь даже на вид древним особняком могла стоять огромная башня из стекла и металла, частенько проскакивали станции метро, линии которого то и дело выскакивали из-под земли и уходили высоко вверх, туда, где летали редкие магомобили. Хотя чему я удивляюсь? В той Москве тоже древность соседствовала с современностью. Но там царствовали пробки, а тут... Не успел я додумать мысль, как мы встали в пробку. Сглазил, походу, – вздохнул я, устраиваясь поудобнее.

– Вот же гадство... – мрачно проворчал Демьян, – Ведь ещё час назад тут свободно было! Вот ведь...! Москва...

Я глубокомысленно промолчал, и мы продолжили тащиться к дому. В итоге, поездка, которая при обычных условиях без пробок занимала у нас двадцать минут, затянулась на целых полтора часа, и домой мы приехали уже затемно. Похоже, пробки Москвы в любом мире неизменны, – философски решил я, поднимаясь по ступенькам к дери трёхэтажного особняка.

– Димка приехал! – радостно взвизгнули две какие-то дев-

чонки, бросаясь мне на шею. С непривычки, я чуть не принялся отдирать их от себя, но вовремя сдержался. Это же сёстры этого тела. Придётся потерпеть. Звали два этих стихийных бедствия Наташа и Даша и были они близняшками. Именно близняшками, а не двойняшками, то есть, были похожи друг на друга как две капли воды. Если я и братья были больше похожи на отца, все такие же как он высокие мощные брюнеты, то близняшки были копиями матери, которая была невысокого роста, чуть за метр пятьдесят, с миниатюрной фигурой, длинными русыми волосами и голубыми как небо глазами. Только у матери веснушек не было, у этой же мелочи были усыпаны ими и нос и щёки. Так, и чё мне с ними делать? – даже как-то растерялся я. Вроде, Димон обнимал их, кружил, а потом по очереди вверх подкидывал... Ну что же, не будем менять программу выступления. Под их радостные визги я крепко обнял их и закружил, после чего стал подкидывать вверх, борясь со страстным желанием не поймать их. Не то, чтобы я не любил детей. Скорее они меня раздражали.

– Кто-то дома кроме вас и матери есть ещё? – поставил я их, наконец, на пол под их недовольное фырчание. Мол, маловато будет.

– Все дома! – радостно отрапортовала то ли Наташа, то ли Даша. Хрен разберёшь, в общем. По-моему, с этим даже у Димона проблемы были. Пара их розыгрышей его у меня тут в памяти всплыло вдруг по этому поводу.

– И они сказали, чтобы ты сразу в кабинет к отцу шёл,

как приедешь! – тут же добавила вторая, – Они там какой-то важный вопрос решают...

– Понял, бегу, – кивнул я им. На секунду замер, «вспоминная», где тут этот кабинет, и решительно двинулся в нужную сторону. На лестницу, ведущую на второй этаж. Там подошёл к деревянной двери, и без стука распахнул её.

– Вот и младшенький появился! – встал мне навстречу здоровяк в военной форме, и сграбастал в объятиях так, что у меня чуть рёбра не затрещали.

– Твою ма-а-а-ть... Задушишь... – просипел я из последних сил, тщетной пытаюсь вырваться из стальной хватки.

– Ничё, потерпишь! – добродушно хлопнул он напоследок мне по спине так, что у меня чуть лёгкие через рот не выпрыгнули, – Иди, садись. Тебя только ждали, – кивнул он мне на свободное место за небольшим круглым столом, где сидели второй брат, лишь кивнувший мне, и мрачный седой мужик, видимо, отец этого тела. Он вообще на меня даже взгляда не поднял.

– Раз все в сборе, то предлагаю начинать, – негромко начал он, как только я уселся на место, – Вы все уже знаете, что наша мать заболела, но никто из вас пока не знает подробностей. Прошу о том, что я вам сейчас скажу, не распространяться. Особенно, в присутствии сестёр. Незачем им об этом знать, – он поднял на нас угрюмый взгляд, и дождался, пока каждый из нас не кивнёт, после чего откашлялся и продолжил, – Так вот. Не буду вас обнадеживать, положение очень

серьёзное. Как вы помните, мать давно уже жаловалась на головную боль, но категорически отказывалась пройти обследование, думая, что всё само пройдёт. Сидела на обезболивающих, но сейчас уже и они не помогают. Недавно я всё же заставил её пройти обследование, и у неё была обнаружена неоперабельная опухоль в головном мозге, – его голос к концу всё сильнее стихал, и последние слова он произнёс чуть ли не шёпотом. За столом установилась полная тишина. Братья явно были в шоке, я же старался не выпадать из образа.

– И что же делать? – немного растерянно подал, наконец, голос средний брат, Александр.

– Маг-целитель нужен, – глухо произнёс старший, Алексей, опередив отца, и поднял на последнего глаза, в которых появилась надежда, – Так нам же, как государственным служащим, положена бесплатная помощь магов-целителей, как и членам наших семей! Ты обращался в министерство здравоохранения за ней?

– Обращался, – нехотя выдавил из себя тот, – Действительно, положена. В порядке очереди. Наша очередь подойдёт только через месяц. Столько времени она может и не прожить...

– С-суки! – не сдержался тут Лёха, и мысленно я был с ним полностью согласен. Даже отец промолчал на это, хотя обычно не терпел, когда мы матерились в его присутствии.

– Тогда надо идти к платным, – спокойным тоном предложил всегда невозмутимый Саня, но подрагивающие руки

выдавали его волнения.

– Да ходил я! – рыкнул недовольно отец, сжав огромные руки в кулаки, мрачно сверкнув на нас глазами из-под густых бровей, – Именно поэтому я вас и собрал... За подобную услугу они хотят сто тысяч рублей...

Тут старший опять не сдержался, прошипев себе под нос явно что-то матерное. Даже я мысленно присвистнул. Я уже успел достаточно покопаться в воспоминаниях Димона, чтобы понять, что сумма была колоссальной. Весь этот особняк стоил если и дороже, то не на много.

– Как вы понимаете, такой суммы у нас нет... – тихо продолжил он, – Взятки я отроду не брал, а с моей зарплаты подобную сумму надо очень долго копить. Сейчас у меня на счетах есть только чуть больше двадцати тысяч... Вот я и...

– Почему так дорого! – не выдержал тут, и перебил старший, вскочив с места и став ходить сложив руки за спину по кабинету туда-обратно, – Почему, блять, так дорого-то! Что за бред? Ну не может быть таких сумм!

– Да, мне тоже сумма показалась завышенной, но снижать они её отказались... Я так подозреваю, дело в моей недавней ссоре с министром тяжёлой промышленности, – нехотя выдал из себя отец, – Демченко Николаем Викторовичем. Я узнал о кое-каких его финансовых махинациях. Подробности вам знать ни к чему. Сообщил о них в имперскую прокуратуру. Ему удалось как-то выйти сухим из воды, но злобу он на меня явно затаил... Скорее всего, именно он теперь

палки в колёса мне и вставляет.

– Вот тварь! – прошипел Лёха.

– Тогда надо обращаться к иностранным специалистам, – продолжил генерировать идеи средний, – В той же Франции, например, есть специалисты не хуже наших.

– Есть, – не стал спорить отец, – Вот только они ничуть не дешевле наших. Я уже узнавал.

– Значит, остался последний вариант, – вздохнул Александр, устало взлохматив на голове волосы, – Кредит в банке. Долгосрочный.

– Да, я тоже пришёл к этому выводу, – кивнул папаша, – Вот только для получения кредита на такую сумму потребуются залог, а значит, придётся заложить особняк... Я не мог принять такого решения не посоветовавшись с вами. Что думаете, сынки? – обвёл он нас печальным взглядом.

– А что тут думать-то? Естественно, надо закладывать дом. Другого варианта и быть не может. Это же мама! – буркнул Саня, я молча подтверждающе кивнул, вовсе не собираясь выделяться, а вот старший вдруг задумался.

– Погодите... – нерешительно начал он, – Возможно, есть ещё один вариант...

Отец и брат синхронно молча уставились на него, ожидая продолжения. Он же продолжил мерять комнату шагами. Видать, такая беспокойная неусидчивая натура у него была.

– Есть же ещё вариант занять нужную сумму, – задумчиво продолжил он, – Сегодня у меня намечается встреча с мо-

им другом по военному училищу, Трубецким Женькой. Буквально на днях он предложил мне встретиться, вина попить по старой памяти, и мы договорились как раз на эту пятницу, через час я выезжаю. Как вы знаете, ему от деда недавно досталось большое наследство, думаю, ему не трудно будет занять мне такую сумму. Давайте отложим окончательное решение на завтра, когда я уже буду знать его ответ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.